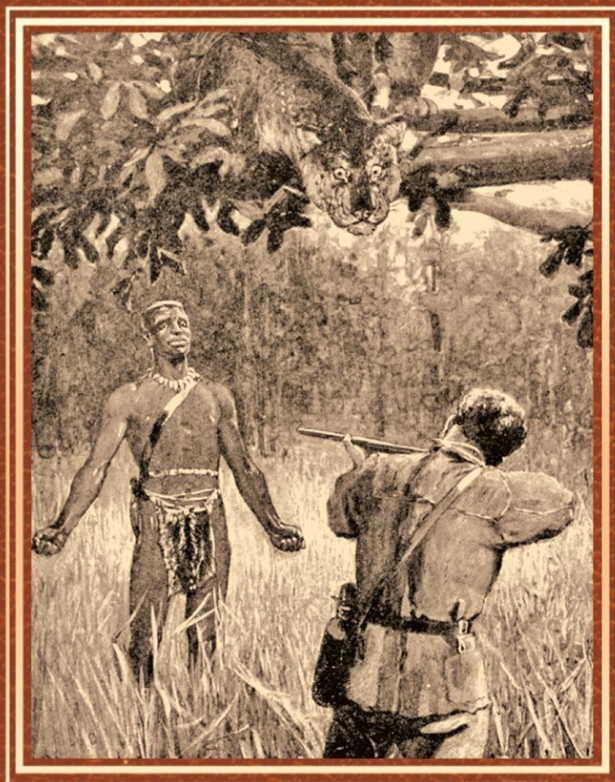

Генри Райдер
Хаггард
Рыцарь пустыни

МАСТЕРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Мастера приключений

Генри Райдер Хаггард

Рыцарь пустыни, или Путь духа

«ВЕЧЕ»

1906

Хаггард Г.

Рыцарь пустыни, или Путь духа / Г. Хаггард — «ВЕЧЕ»,
1906 — (Мастера приключений)

ISBN 978-5-4484-7914-4

Молодой лейтенант Руперт Уллершоу вмиг потерял все, лишился былой легкости, стремлений и надежд. Виной тому были дурная кровь предков, жестокий рок, неумолимый фатум... да какая разница?! Жизнь утратила смысл, но она продолжалась. И с этим надо было что-то делать. Прислушавшись к совету матери, Руперт решается ступить на путь, который выдержит далеко не каждый смертный. Как известно, труден только первый шаг. Но нужно еще не свернуть с пути, не сбиться.

ISBN 978-5-4484-7914-4

© Хаггард Г., 1906

© ВЕЧЕ, 1906

Содержание

Посвящение	8
От автора	9
Пролог	10
Глава I. Голос поющего песка	15
Глава II. Два письма	22
Глава III. Возвращение Руперта	28
Глава IV. Деловой разговор	33
Глава V. Званный ужин	39
Глава VI. Руперт влюбился	46
Глава VII. Помолвка	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Хаггард Генри Райдер

Рыцарь пустыни, или Путь духа

© Бушуев А.В., Бушуева Т.С., перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство „Вече“», 2019

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2018

Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих; только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд¹.

Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквам: побеждающему дам вкушать от древа жизни, которое посреди рая Божия².

---

¹ Екклесиаст 11:9.

² Откровение 2:7.

The Way of the Spirit

BY

H. RIDER HAGGARD

AUTHOR OF "JESS," "STELLA FRIEDELAND," ETC.

"Rejoice, O young man, in thy youth . . . and walk in the ways of thine heart, and in the sight of thine eyes; but know thou that for all these things God will bring thee into judgment."

"To him that overcometh will I give to eat of the tree of life which is in the midst of the paradise of God."

LONDON
HUTCHINSON & CO.
PATERNOSTER ROW
1906

Посвящение

Редъярду Киплингу, эсквайру

Мой дорогой Киплинг,

Мы с вами оба верим, что в жизни есть более высокие цели, нежели просто выдумывание историй, для радости или печали; и каждый из нас стремится воплотить эту веру по-своему.

Тем не менее, когда мы обсуждали план этой истории, и когда вы прочли уже написанную книгу, мнение ваше о ней было именно тем, которое все мы надеемся получить от честного друга-наставника – и, как правило, тщетно.

Итак, поскольку вы проявили к книге интерес, я преподношу ее вам, в знак всего того, что я не в силах описать. Но вы поймете.

Всегда искренне ваши,

Г. Райдер Хаггард,

Дитчингем, 14 августа 1905

От автора

Эта история была написана два года назад в результате размышлений, которые посетили меня среди песков Египта и пустых келий отшельников, давно ушедших в мир иной.

Возможно, издав эту книгу, я должен попросить прощения за мое отклонение от знакомого, проторенного пути приключений, так как в ходе литературного опыта, делящегося, стыдно сказать, уже более четверти века, я часто замечал, что тот, кто пытается свернуть с курса, намеченного для него традицией или общественным мнением, как правило загоняется обратно градом камней и улюлюканьем толпы. Несомненно, многие, похоже, считают крайне неправильным, когда автор пытается, пусть даже крайне редко, обращаться к новому направлению мысли или новой группе читателей. Как он начал, так должен и продолжать, утверждают они. Тем не менее я отважился на описание истории великого и, на первый взгляд, удачного платонического эксперимента Руперта Уллершоу главным образом потому, что меня заинтересовала эта проблема: в тех условиях, в которых он волею судьбы оказался на Востоке, был он прав или не прав, держась за железное толкование данной в юности клятвы и строгую букву закона Запада? И следовало ли ему возвращаться к жене-англичанке, которая столь дурно обошлась с ним, как, в конце концов, он все-таки решил поступить? Короче говоря, можно или нельзя позволять обстоятельствам изменять моральные нормы?

В данной книге вопрос этот решается однозначно, и хотя Меа сама была частью такого решения, если взглянуть на этот вопрос ее глазами, то все покажется не столь простым. Тем не менее, я склонен полагать, что здесь дан правильный ответ на этот вопрос. Кроме того, какова бы ни была точная причина и природа принятого решения, должно быть нечто приятное и благородное в полном отречении ради совести, даже если окружение и общественное суждение не требуют такой жертвы. По крайней мере, такова одна из точек зрения на жизнь, ее устремления и возможности; та, что, устав от родной земли, обращает свое лицо к звездам.

А иначе, отчего тогда древние отшельники так сильно поистерли каменные лежа своих келий? Отчего, тем или иным образом, преемники их по-прежнему стирают все те же лежа повсюду на бескрайней земле, особенно, на мудром и древнем Востоке? Я думаю, что ответ на это один – вера. Та самая вера, что подвигла Руперта и Меа к тому, что они считали самым главным в их долгом послушничестве, – вера в личное воскрешение и воссоединение душ. Без опоры на эту веру в той или иной ее форме, сколь слабой и колеблющейся она бы ни была, невозможно представить себе счастье или даже просто продолжение нашего человеческого мира.

Г. Р. Х.

Пролог

Последние жалкие остатки стыда, последние мучительные порывы отчаяния, когда сеть наброшена на голову, а трезубец победителя приставлен к горлу – кто может наслаждаться историей о таких вещах? И все же о них следует кое-что рассказать, поскольку они вытесали характер Руперта Уллершоу, благодаря им он построил лестницу, по которой взошел до тех отверженных высот, что привели к единственному, достойному его, трону. Достаточно будет самого малого. Самые простые факты – это все, что нам нужно.

Одним июльским вечером лорд и леди Дэвен сидели вдвоем за ужином в прекрасной комнате великолепного дома на Портленд-Плейс. Они были очень странной парой. Муж намного старше жены – ему было пятьдесят лет, она же – в самом расцвете женственности. Лицо лорда Дэвена, бледное, почти бесцветное, свидетельствовало о решительности и склонности к легкой язвительности. Его небольшие серые глаза под лохматыми нависающими бровями, такого же песочного цвета, как и его прямые волосы, как будто пронзали насквозь самую суть людей и вещей, а его манера разговора, когда ему было что сказать о том, что его занимало, была резкой и бескомпромиссной. У него было весьма несимпатичное лицо, да и слова его часто были весьма нелицеприятны, что вызывало некоторое любопытство, ибо человек этот отличался хорошим здоровьем, был богат, силен и своим происхождением и счастливой судьбой намного превосходил подавляющее большинство других людей.

Однако в его серебряной ложке меда отметились своим присутствием мухи. Так, например, он ненавидел свою жену, так как с самого начала она возненавидела его. Он, всей душой желавший, чтобы его сыновья унаследовали его богатство и титул, не имел детей. Его острый, язвительный ум низвергал все убеждения и отрицал все условности, и все же призрак мертвой веры продолжал преследовать его, а условности вязали его по рукам и ногам. Ибо он не находил других камней, на которые мог бы присесть и отдохнуть или за которые мог бы уцепиться, пока вселенская волна, что, в конце концов, перехлестывает за неровные края нашего мира, несла его дальше.

Женщина, Клара, леди Дэвен, была просто воплощенное великолепие; высокая, с головой истинно королевской посадки, восхитительной кожей лица, гладкой, как слоновая кость, прекрасно сложенная и развитая в каждой части тела, кроме, быть может, мозга. Добрая, по своему мужественная, благонамеренная, ласковая, цепко усвоившая то, что познала в молодости, но импульсивная и довольно примитивная в своих наклонностях и мировоззрении; она бы наверняка предпочла жить своей жизнью и идти своим собственным путем, словно этакая милая, титулованная дикарка, поклоняющаяся солнцу и звездам, грому и дождю, главным образом потому, что была не в состоянии понять их суть, а временами они пугали ее. Такова была Клара, леди Дэвен.

Она не отличалась воображением, она жила в настоящем ради настоящего. До нее никогда не долетал грохот колес Судьбы, мрачный и нескончаемый, чье эхо доносится из-под завесы тонкой, капризной суеты наших будней, подобно тому, как в звуках духовых оркестров, марширующих на эспланаде, можно различить грохот далеких боевых пушек, творящих судьбы империй.

Нет, Клара не отличалась воображением, хотя у нее было сердце, хотя, например, из года в год она могла скорбеть о человеке, которого когда-то отвергла или была вынуждена отвергнуть (и который впоследствии спился и умер), чтобы воспользоваться «шансом в жизни» и выйти замуж за лорда Дэвена, которого она откровенно не любила; к тому же, как она знала, был он страшный эгоист и лицемер, как и все представители рода Уллершоу, начиная с его основателя и кончая самим лордом с его родственниками. В конечном счете, такие примитивные и несчастные женщины склонны заводить любовника, особенно если тот напоминает им

их первого возлюбленного. Леди Дэвен так и поступила. Любовник этот, как это ни странно, был почти мальчик, наследник и кузен ее мужа, благородный, но пылкий юноша, которого она очаровала своим флиртом и красотой, и теперь буквально тряслась над ним, как это обычно бывает в таких случаях. Вскоре она была поймана с поличным, как и должно было случиться, и дело дошло до неизбежной развязки. Пташки оказались слепы, а лорд Дэвен умел ловко раскидывать сети.

Нет, как уже было сказано, Клара не отличалась воображением. Тем не менее, когда ее муж, поднеся к губам бокал кларета, внезапно его уронил, – разбив его вдребезги и, словно кровью, забрызгав белоснежную скатерть красным вином, – сама не зная, почему, она вздрогнула. Наверно, инстинкт подсказал ей, что это неслучайно, что это символ неких грядущих событий.

В кои веки она услышала из-за духового оркестра на унылой эспланаде своей жизни залпы пушек Судьбы. Ей тотчас вспомнились слова одной песни, которую она когда-то пела, – надо сказать, что подстать своей прекрасной наружности она обладала не менее прекрасным голосом, – меланхоличной песни, которая начиналась так:

*«Разбита жизни чаша и красное вино ее пролито;
Грехи земные с нами позади и Суд маячит Страшный впереди!»*

Это была любимая песня ее несчастного, ныне мертвого, любовника, который пристрастился к выпивке, и которого она отвергла, – еще до того, как он запил. Воспоминания разбредили ей душу. Сказав, что идет в свою гостиную, она поднялась из-за стола. Лорд Дэвен ответил, что тоже придет туда. Она недоуменно посмотрела на него, ибо он не имел привычки заходить в ее комнаты. Они уже много лет жили отдельно.

* * *

Муж и жена стояли лицом к лицу в темной комнате, ибо лампы не были зажжены, а луну, которая только что сияла сквозь открытые окна, заслонило облако.

Правда всплыла. Она узнала худшее, и это было очень плохо.

– Вы хотите убить меня? – хрипло спросила Клара. Холодная ненависть в каждом слове и движении ее мужа свидетельствовали именно об этом.

– Нет, – ответил он. – Только развестись. Я хочу, наконец, избавиться от вас и снова жениться. Я хочу оставить наследников. Я сделаю все для того, чтобы ваш молодой друг никогда не получил мое богатство и титул.

– Развестись со мной? Вы? *Вы?*

– Вам ничего не доказать против меня, Клара, я буду все отрицать, а вот я могу доказать против вас все. Этому бедняге придется на вас жениться. О, я искренне сочувствую ему, ибо какой у него был шанс? Я не желаю, чтобы мое имя становилось посмешищем, и оно погубит его.

– Он не женится на мне, – пылко ответила она. – Я слишком сильно его люблю.

– Поступайте так, как сочтете нужным. Если хотите, вернитесь в дом вашего преподобного родителя и посвятите себя религии. Вы будете украшением любого благочиния. Или же, если хотите... – он выразительно махнул рукой, указывая на бесчисленные огни Лондона, которые мерцали под ними.

Откинувшись на спинку стула и тяжело дыша, Клара задумалась. Затем в ней проснулось мужество, и она сказала:

– Джордж, вы хотите от меня избавиться. Вы заметили начало моего увлечения и отправили нас вместе за границу. Это был очередной заговор, теперь мне это понятно. Увы, жизнь

всегда полна неизвестности, вы же сделали мою совершенно невыносимой. Если со мной что-то случится – в скором времени, будет ли это сопровождаться скандалом? Я прошу не ради себя, а ради моего престарелого отца, моих сестер и их детей.

– Нет, – медленно ответил Дэвен. – В этом печальном и невероятном событии не будет скандала. Только глупые птицы гадят в своих гнездах, да и то, если у них нет иного выхода.

Клара вновь умолкла, затем отстранилась от него и сказала:

– Спасибо, не думаю, что к этому есть, что добавить. Уходите, прошу вас.

– Клара, – ответил он холодным, твердым голосом, – вы устали, что вполне естественно. Вам хочется спать. Сегодня вечером сон будет для вас хорошим другом, но помните, что хлопот, который вы так любите, довольно опасная штука. Примите на ночь, но не слишком много!

– Да, – тяжело ответила она, – я знаю. Я приму на ночь, но не слишком много.

На мгновение между ними в темной комнате воцарилось гнетущее молчание. Затем внезапно из-за облаков появилась огромная луна, в последний раз освещающая для них обоих их живые лица. Лицо женщины было трагичным и ужасным – казалось, из ее широко открытых глаз уже смотрит смерть. Лицо мужчины, хотя и было слегка напуганным, оставалось безжалостным. Он был не из тех, кто отступил бы, встретив свой Рубикон.

– Прощайте, – быстро произнес он. – Я поздним поездом отправлюсь в Дэвен, но завтра утром вернусь в Лондон, чтобы увидеть моего адвоката.

Белой, похожей на руку призрака рукой она указала сначала на дверь, затем в окно на зловещее, темное небо и печально прошептала:

– Джордж, – сказала она, – вы знаете, что вы в сто раз хуже меня, это вы сделали меня такой, какая я есть. Это вы вынудили меня выйти за вас замуж, потому что я была красива, а потом, когда вы устали от меня, вы обращались со мной так, как вы делали это многие годы. Бог рассудит нас, но я скажу вам, что поскольку вы не ведали милосердия, то не будет оно даровано и вам. Это не я говорю вам, стоя у края могилы, это говорит что-то внутри меня.

* * *

Утром Руперт Уллершоу стоял у двери дома на Портленд-Плейс, куда он пришел, чтобы нанести визит леди Дэвен, которой он принес подарок на день рождения. Надо сказать, чтобы его купить, он копил деньги в течение нескольких месяцев. Он был юношей с простоватым лицом, но с искренними серыми глазами и прекрасного телосложения: широкоплечий, сильный, атлетичный, хотя и довольно медлительный. В глазах его застыла тревога, ибо, еще будучи юношей, он узнал, что «хотя хлеб обмана сладок человеку, но затем рот его будет набит камнями»³. Имелись у него и другие основания для беспокойства, ибо он был единственным сыном и надеждой своей овдовевшей матери и покойного отца, капитана Уллершоу, родственника лорда Дэвена, который своим поведением разбил ей сердце и лишил ее внушительного состояния, ради которого он собственно и женился на ней. И вот теперь их сын, Руперт, только что вышел из Вулиджа, где, когда его стопы угодили в этот жесткий капкан, он учился в надежде сделать для себя карьеру в армии.

Вскоре дверь ему открыл дворецкий, мрачный, меланхоличный человек. Руперт мгновенно отметил, что тот странно обеспокоен; выглядел он так, будто недавно плакал.

– Леди Дэвен у себя? – на всякий случай осведомился Руперт.

– Да, сэр, она у себя, но больше никогда не выйдет, за исключением одного раза, – ответил дворецкий сдавленным голосом. – Неужели вы не слышали, сэр, неужели вы не слышали? – как безумец повторял он.

– Не слышал чего? – ахнул Руперт, хватаясь за дверной косяк.

---

³ Притчи 20: 17.

– Мертва, мистер Уллершоу, мертва... несчастный случай... говорят, передозировка хлорала! Его светлость обнаружил ее час назад, и врачи только что ушли.

* * *

Между тем, в комнате наверху, лорд Дэвен стоял один, созерцая неподвижную и ужасную красоту смерти. Затем, встрепенувшись, взял каминную метелку и смел застрявшие между прутьями низкой решетки остатки сгоревшей бумаги, чтобы они рассыпались в пепел и их больше никто не видел.

– Я никогда не верил, что она посмеет это сделать, – подумал он про себя. – В конце концов, ей хватило смелости, и она была права: я хуже, чем была она. Зато я выиграл и, наконец, избавился от нее – причем, тихо и без скандала. Пусть мертвые сами хоронят своих мертвецов!

* * *

Когда Руперт, приехавший этим утром из Вулиджа, добрался до маленького дома в Риджентс-парке, который был домом его матери, он увидел, что там его ожидало письмо. Отправленное поздно вечером, оно было без подписи и без даты, однако написано почерком Клары, на простом листе, и вставлено в обычную записку с приглашением на обед. Жалкое, ужасное содержание этого послания нет необходимости излагать. Достаточно сказать, что из него он узнал всю правду. Он дважды прочел его, а затем решил сжечь. В этот ужасный час потрясения и раскаяния светский блеск и упоительное безрассудство его оставили, и он, будучи в глубине души довольно праведен, осознал, куда они его привели.

После этого Руперт Уллершоу заболел и слег, причем, так сильно, что долго лежал в постели, бредил и даже хотел умереть. Однако его крепкая конституция помогла его молодому телу пережить удар, от которого его душа так и не оправилась. В конце концов, уже идя на поправку, он все рассказал матери. Миссис Уллершоу была сильной, сдержанной женщиной с широким, терпеливым лицом и гладко зачесанными седыми волосами. Она многое пережила, однако сохранила простую веру в Провидение, даже когда думала, что порча в крови ее сына овладевает им, эта порча, от которой ни один из Уллершоу не был совершенно свободен, и что сын начинает идти по стопам своего отца, а также дурного наставника и искусителя, его кузена, лорда Дэвена. Она выслушала Руперта, пристально глядя ему в лицо, – лицо, которое страсть, болезнь и покаяние сделали почти старческим, – и выслушала его, не проронив ни слова.

Затем она предприняла одно из величайших усилий своей жизни, и в этом порыве ею даже овладело красноречие. Она рассказала Руперту все, что знала про этих блестящих, сумасбродных, беспринципных Уллершоу, от которых он вел свое происхождение, и пересчитала перед ним урожай яблок Мертвого моря, которые они собрали. Она показала ему, сколь велик его собственный грех и сколь неизбежна гибель, которой он сам едва избежал, – та самая гибель, что уничтожила бедную Клару, имевшую несчастье, попав в сети семейства Уллершоу, быть испорченной их примером и философией, ставивших гордыню и удовлетворение собственных прихотей выше подчинения закону человеческому или Божественному. Она указала ему, что ему было послано предостережение, что он стоит на распутье, и что его счастье и благополучие всегда будут зависеть от избранного им пути. Она, которая редко говорила о себе, воззвала к нему, умоляя, чтобы он помнил свою мать, которая столь многое вынесла от рук своей семьи, и не добавлял ей седых волос, ибо это сведет ее в могилу. Она просила сына жить ради труда, а не ради удовольствия, и избегать общества праздных людей, которые могут быть счастливы, когда вокруг них все и вся погрязли во грехе и богаты всем, кроме добрых дел.

– Поставь перед своими глазами другой идеал, сын мой, – сказала она, – идеал отречения, и узнай, что, когда тебе кажется, что ты отказываешься, на самом деле ты обретаешь. Следуй

по пути Духа, а не по плоти. Покори себя и ту слабость, которая происходит из твоей крови, как бы тяжело это ни было. Самоотречение не так уж и сложно, а его плоды прекрасны, в них ты обретешь мир. Жизнь коротка, мой мальчик, но раскаяние может стать вечной мукой. Живи так, чтобы, получив прощение за то, что ты совершил, это не терзало тебя, когда настанет твой смертный час.

Надо сказать, что ее слова упали в плодородную, хорошо вспаханную почву, почву обильную, на которой хорошо растут как злаки, так и плевелы.

– Мама, – просто ответил Руперт, – так и будет. Клянусь тебе, чего бы мне это ни стоило, так и будет, – и, протянув исхудавшие руки, он притянул к себе ее седую голову и поцеловал в лоб.

Эта история покажет, как он сдержал свое обещание, причем в таких обстоятельствах, в каких, случись ему его нарушить, редко кто обвинил бы его. Сколь романтичной ни была жизнь Руперта Уллершоу, с этого момента она ни разу не была запятнана грехом.

Глава I. Голос поющего песка

Прошло более одиннадцати лет, и сцена, над которой вновь поднимается наш занавес, резко отличается от той, на которую он опустился. Вместо маленького лондонского дома, где Руперт лежал больным, перед вами вход в скальный храм, а в стене его, высеченные из твердой скалы, четыре гигантские статуи египетского царя, каждая почти семнадцать футов в высоту, которые навечно смотрят на воды Нила и пустыню за ним – на ту неизменную пустыню, откуда в течение трех с половиной тысяч лет, рассвет за рассветом, они приветствовали восходящее солнце. Ибо это место – храм Абу-Симбела ниже Второго порога Нила в Судане.

Сентябрьский день 1889 года. Под одним из колоссов рядом со входом в храм сидел британский офицер в армейской форме – рослый, бородатый, обладающий зорким, цепким взглядом и физической силой, что придавало ему сходство с огромными каменными статуями, что высились над ним. Была в нем та же спокойная, терпеливая сила – нечто вроде презрительного ожидания, которым древнеегипетские скульпторы умели наделять изваяния своих богов и царей.

Было бы нелегко признать в этом человеке юношу, которого мы когда-то оставили выздоравливать после болезни. Двенадцать лет трудов, размышлений, борьбы и самоконтроля – все это зубила, которые врезаются очень глубоко – оставили на нем свои следы. Тем не менее это был Руперт Уллершоу, и никто другой.

История того периода его жизни может быть изложена в нескольких словах. Пойдя служить в армию, он уехал в Индию, где проявил себя наилучшим образом. Здесь ему посчастливилось принять участие в двух небольших приграничных войнах, где его профессиональные способности не остались без внимания. Надо сказать, что он был человек прилежный, и тот факт, что он был равнодушен к развлечениям, – кроме разве что большой охоты, – оставлял ему массу времени для его штудий. Случайная беседа с одним знакомым, много путешествовавшим по Востоку, который указал ему, сколь полезно было бы для его карьеры знание арабского языка, которым в то время владело крайне мало английских офицеров, подтолкнула его заняться его изучением.

Его усердие вскоре стало известно начальству. По некоей внезапной необходимости правительство Индии назначило его на некую полудиبلوماسية должность в Персидском заливе. Здесь он прекрасно себя зарекомендовал, и, хотя так и не получил за это полного общественного признания, сумел предотвратить серьезную проблему, которая могла бы вырасти до огромных масштабов и вылиться в морской вооруженный конфликт. В знак признания заслуг Уллершоу был повышен в чине и довольно рано удостоился ордена Бани, а значит, при желании мог легко сделать блестящую дипломатическую карьеру.

Но Руперт, прежде всего, был солдат, поэтому, повернувшись спиной к столь приятным перспективам, он подал прошение отправить его на службу в Египет. Просьба была мгновенно удовлетворена, благодаря его знанию арабского. Здесь, в той или иной роли, он принимал участие в различных военных походах, отличился в сражениях при Эль-Тебе и Тамаи, причем, в последнем даже был ранен. Впоследствии он совершил марш-бросок с сэром Гербертом Стюартом из Донголы и сражался бок о бок с ним в Абу-Клеа.

Вернувшись после смерти Гордона в Египет, он служил офицером разведки в Каире и, в конечном итоге, дослужился до звания подполковника египетской армии. В этом звании он сопровождал генерала Гренфелла, отправившегося вверх по Нилу, и 3 августа 1888 года принял участие в битве при Тоски. Затем его отправили за несколько миль от тех мест, в Абу-Симбел, решать судьбу пленных, и впоследствии вести переговоры с некоторыми арабскими вождями, чья лояльность внушала сомнения.

Таков краткий отчет о тех годах жизни Руперта Уллершоу, с которыми, сколь ни богаты они событиями, наша история не имеет ничего общего. Его карьера сложилась удачно. Редко кто из офицеров его звания мог смотреть в будущее с большей уверенностью, ибо хотя Руперт и казался старше своих лет, он все еще был довольно молод. Более того, его любили и уважали все, кто его знал, и несмотря на свои успехи, он почти не имел врагов. Остается только добавить, что он сдержал обещание, которое дал своей матери, когда лежал больным, до самой последней буквы. После печально завершившегося первого любовного романа жизнь Руперта была безупречной.

Солнце начинало клониться к закату. Его лучи проложили через разлившийся Нил красные дорожки и омывали простирившуюся за ним пустыню дрожащим розовым светом, в котором отдельные, похожие на пирамиды, горы высились здесь и там, как памятники царям. Зрелище это было необыкновенной красоты. Оно также было безмолвным, поскольку Руперт и его небольшой эскорт разбили свой лагерь в полумиле от реки. Пока он любовался природой, благоговейный трепет времени и места проник в его сердце, приглушая преходящие эмоции и настраивая его разум, пока тот не пришел в гармонию с его окружением, став инструментом, открытым для тонких влияний прошлого и будущего.

Руперт сидел в тени величественных творений людей, которые были мертвы на протяжении сотен поколений, и обзирал реку, пустыню и горы, которые этим неизвестным ваятелям наверняка казались такими же древними, как и ему в этот день. И как никогда ранее, ему стала понятна его собственная абсолютная ничтожность. Он подумал о своих мелких стремлениях к продвижению по службе, и улыбка возникла на его лице, подобная улыбке каменного царя-бога, возвышавшегося над ним. «Сколько же людей в течение всех этих усталых веков, – задался он вопросом, – даже в этом пустынном месте лелеяли надежду на такое преимущество и шли вперед. Лишь единицы ожидал триумф, большинство же терпело неудачу, но все они очень быстро понимали, что и неудача, и успех – неразличимы, когда их покрывает забвение».

Так предостережение из прошлого положило на него свою тяжелую длань, подавляя его дух, а воды Нила, текущего через пустыню к морю с далеких гор, в которых он рождается, напевали ему, что как и дни Иова, его собственные дни летят «быстрее, чем стрела», нашептывая ему на ухо древнюю мудрость Экклезиаста: суета сует, всё суета.

Руперт опечалился. Между тем вокруг него сгустилась тень холмов, безлюдных и гнетущих, как тот огромный пустой храм, в котором он сидел, осколок веры, который был еще более мертв, нежели те, кто когда-то ее исповедовал. Внезапно ему вспомнилось, как утром, на рассвете, он видел, как чаши теней наполнились светом, и как тогда на стенах этого самого храма он прочел молитвы веры, утверждавшей вечность всех добрых дел и воскресение всех праведников – непреложные истины, в которые те, кто высекал их тридцать пять столетий назад, верили столь же твердо, как он верил сегодня.

Теперь с ним говорило будущее, и его сердце вновь наполнилось надеждой. О! Он твердо знал, ибо им владела странная убежденность, что, несмотря на все беды и горести, которые ждут его впереди, что хотя, возможно, он рожден для печали, как искры костра – для того, чтобы лететь вверх, его жизнь не будет бесполезной, а смерть напрасной; что ни одна жизнь, даже жизнь муравья, который неустанно трудится рядом с ним в желтом песке, не лишена цели и приносит свои плоды; что слепой случайности не существует; что каждая загадка имеет ответ, а каждая родовая схватка ведет к рождению новой жизни; а из ткани мыслей и дел, которую он сейчас ткал, будут скроены одежды, в которые он обрядится в будущем.

Так размышлял Руперт Уллершоу, как то делал всегда, когда бывал один, а он любил бывать один, ибо чаще всего смотрел в лицо трудностям и находил истину в одиночестве.

Утомленный этими размышлениями, вполне естественными в такое время и в таком месте, он, наконец, поднялся и сделал несколько шагов, чтобы посмотреть на одинокую могилу товарища, чей рабочий день навсегда закончился, затем со вздохом подумал, что поскольку к

вечеру стало заметно прохладнее, неплохо бы до наступления темноты немного прогуляться. Руперт любил виды и звуки природы и, вспомнив о том, что закат лучше всего наблюдать с вершины скалы, находившейся позади него, он побрел вверх по крутому песчаному склону, следуя узкой тропинкой, протоптанной шакалами с берега реки к своим норам в скалах. Он знал, что эти хитрые животные выбирают самый простой путь.

Добравшись, наконец, до гребня холма, он какое-то время постоял, чтобы окинуть взором бесконечную пустыню. Огненный шар солнца опускался к пескам так быстро, что Руперт почти видел его движение, как это бывает, или, кажется, что бывает, в Египте. Солнце садилось за две дальних, одиноких горы. На несколько секунд, а, может даже, на целую минуту, его огромный красный шар, казалось, застыл на вершине одной из гор.

Глядя на него и на горы, Руперт вспомнил легенду, которую ему рассказал один старый араб, что за этими горами есть храм, более величественный и прекрасный, чем Абу-Симбел. Он тогда спросил, как далеко до него, и почему никто туда не ездит. В ответ он услышал, что храм расположен на большом расстоянии, в глубине пустыни, и что любой, кто увидит его, непременно умрет, ибо там обитают чародеи, которые не веруют в Аллаха и не признают его пророка. Поэтому никто туда больше не ходил. Осталась только легенда, которая, добавил араб, без сомнения была правдой.

Забыв историю этого легендарного храма, Руперт продолжил свою прогулку мимо могил эмиров Халифы⁴, которые были ранены в битве при Тоски, в нескольких милях отсюда. Когда они испустили дух, отступающие товарищи наспех похоронили их там, где те умерли. Он знал человека, который лежал под одной из этих грубых груд камней – храбрый дервиш высокого ранга, который едва не положил конец самому Руперту и его земным приключениям.

Уллершоу видел, как туземец летит на него, издавая воинственный клич и потрясая огромным копьем. К счастью, у Руперта в руке был револьвер и, прежде чем копье попало в цель, он успел выстрелить. Пуля поразила врага в голову – брызнула кровь, и нападавший пошатнулся, как будто был пьян. Затем в суматохе сражения Уллершоу потерял раненого из виду, но потом выяснилось, что дервиш умер после отступления, а пленник, который помогал его хоронить, даже показал Руперту могилу.

Размышляя об этом с тем уважением, с каким один храбрец смотрит на другого, даже если этот другой – жестокий и фанатичный язычник, Уллершоу заметил, что на него упала тень, которая, судя по ее длинной уродливой форме, принадлежала верблюду.

Повернувшись, Руперт увидел, что на него на всем скаку летит белый дромадер. Его мягкие, как губка, копыта, ступая по песку, не производили почти никакого топота. Неудивительно, что Руперт не услышал его приближение. На спине верблюда сидел арабский шейх, держа в руке три копья, одно большое и два маленьких. Заподозрив внезапное нападение, чему нельзя удивляться в этом одиноком месте, где можно в два счета погибнуть от рук фанатика, Руперт перепрыгнул через могилу и вытащил пистолет. Но тут всадник крикнул, чтобы он во имя Бога убрал оружие, так как сам он пришел с миром, а не с войной.

– Спешивайся, – строго приказал Руперт, – и брось свои копья.

Араб остановил своего дромадера, велел ему опуститься на колени и, скользнув с седла, положил копья и смиренно поклонился.

– Назови свое имя и род занятий, – требовательно заявил Руперт, – и почему ты пришел ко мне один?

---

⁴ Абдаллах ибн аль-Саид Мухаммед по прозвищу Халифа (1843 или 1846 – убит в 1899 г.) – правитель независимого махдистского государства на территории современного Судана в 1885–1898 годах. – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. переводчиков.*

– Бей, – ответил он, – я Ибрагим, шейх Страны Пресных Колодцев. Я пришел в ваш лагерь с моими слугами и мне сказали, что ты здесь, на вершине холма, и я последовал сюда, чтобы поговорить с тобой, если ты согласишься открыть мне свои уши.

Руперт рассмотрел гостя: красивый, но жестокого вида мужчина лет сорока, со сверкающими черными глазами, крючковатым носом и короткой, заостренной бородой, которая уже начала седеть.

– Я тебя знаю, – сказал он. – Ты предатель правительства Египта, от которого ты получил немало благ. Ты принял у себя генерала Халифы, Вада Эн-Негуми, и снабдил его провиантом, водой и верблюдами. Если бы не ты, он вряд ли бы смог продвинуться вперед, если бы не ты, многие из его людей были бы захвачены. Как ты смеешь показывать мне свое лицо?

– Бей, – смиренно ответил шейх, – эта история – неправда. То, что я сделал для солдат Абдуллахи, я сделал лишь потому, что в противном случае мне грозила бы смерть. Да будет проклято его имя! – и он плюнул на землю. – Теперь я пришел искать правосудия у тебя, ибо ты наделен здесь властью.

– Продолжай, – произнес Руперт – Ты получишь правосудие, обещаю тебе, если я смогу его тебе дать.

– Бей, отряд египетских войск на верблюдах набросился на меня и ограбил. Они забрали всех моих овец и большую часть моих дромадеров. Они убили троих моих людей, которые пытались их защитить. Более того, они оскорбили моих женщин, да, они, гнусные собаки феллахов. Во имя Аллаха, я молю тебя потребовать возвращения моей собственности. Если же ты не можешь этого сделать, то напиши от моего имени в Каир, потому что я верный человек, и мой господин – хедив, и никто другой.

– Тем не менее, – ответил Руперт, – тем не менее, Шейх Ибрагим, я видел некое письмо, написанное тобой самозванцу Абдуллахи, Халифе, в котором ты предлагал ему помощь, если он вторгнется в Египет и захватит дорогу, что пролегает мимо Пресных Колодцев.

Лицо Ибрагима стало мрачнее тучи.

– Это письмо было подделано, – угрюмо сказал он.

– В таком случае, друг мой, откуда тебе о нем известно? – спросил Руперт. – Возвращайся к своему племени и будь благодарен, что теперь хедив побеждает, и его солдаты не захватили тебя, как твоих овец. Знай, что теперь ты человек с меткой против его имени, так что будь осмотрителен, дабы это не стало твоей участью.

Сказав это, Руперт ногой коснулся могилы эмира, через которую они говорили.

Шейх не ответил. Подойдя к своему верблюду, он забрался в седло, велел животному встать и поехал прочь. Отъехав на расстояние около сорока ярдов, где, как ему казалось, он мог не опасаться револьверной пули, он остановился и разразился залпом яростных проклятий.

– Нечестивый пес! – крикнул он, дополнительно присовокупив ряд выразительных оскорблений в адрес предков Руперта. – Ты, который своей грязной ногой попираешь могилу истинного правоверного, которого вы убили, выслушай меня. Ты отказываешь мне в справедливости и обвиняешь меня в помощи Халифе. Будь осторожен, а не то я и вправду помогу ему, я, который является шейхом Земель Пресных Колодцев, через которые он пройдет, чтобы взять Египет с пятьюдесятью тысячами воинов за его спиной. Он не настолько глуп, чтобы идти берегом реки и быть обстрелянным с пароходов вашими пушками. Мое племя – сильное племя, мы живем в горной стране, откуда нас не выгнать, хотя на днях твои псы-феллахи и застигли нас врасплох.

О, будь осторожен, чтобы я не поймал тебя, белый бей, чье лицо я не забуду. Если когда-нибудь я это сделаю, то отплачу тебе за оскорбление, которое ты бросил в лицо мне, верному человеку. Клянусь головой моего отца. Да, и тогда тебе придется выбирать между верой и смертью, и ты будешь вынужден признать, что Магомет – это пророк Аллаха, ты, неверный

пес, поклоняющийся кресту, и тот, кого ты называешь самозванцем, сбросит тебя и все твоё грязное племя в море.

– Ты забываешься, шейх Пресных Колодцев, – невозмутимо ответил Руперт. – Ты также забываешь, что будущее – это дар Божий, и оно не создается людьми. Убирайся долой с глаз моих! Немедленно, а не то я тоже рассержусь и позову моих солдат, чтобы они схватили тебя и бросили в тюрьму, где тебе самое место. Уходи, чтобы я больше не видел твоего лица, ты, который посмел угрожать своему суверену. Я уверен, что когда мы встретимся снова, эта встреча станет глашатаем твоей смерти.

Ибрагим сел на своего верблюда и открыл рот, чтобы ответить, но было в суровой, гордой осанке англичанина нечто такое, что заставило его промолчать. Во всяком случае, он повернул верблюда и, пустив его рысью, быстро поскакал через пустыню.

«Крайне опасный человек, – размышлял Руперт. – Я немедленно доложу о нем и потребую, чтобы за ним проследили. Лучше бы они оставили его овец, а взяли его самого, поскольку ему, вне всяких сомнений, известно, что я велел им это сделать. Так или иначе, сомневаюсь, что это наша с ним последняя встреча».

И, выбросив мятежного шейха из головы, Руперт продолжил свою прогулку и пересек горное плато. Вскоре он вышел на тропу, по которой собрался спуститься вниз. Тропа была странная, похожая на идеальный золотой водопад и настолько крутая, что спуск по ней казался опасным, почти невозможным, что так и было бы, будь ее склон из камня. Но он был песчаным, и ноги путника погружались в песок, не давая ему соскользнуть вниз. Затем, если путнику повезет, что, однако, случается крайне редко, он может насладиться любопытным зрелищем. По мере того, как человек перемещается туда-сюда поперек склона, вокруг него, словно вода, начинает течь песок, пока в самом низу не упадет в Нил и не будет унесен течением. Более того, по мере того как песок «течет», он поет свою дикую песню, издавая стонущий, меланхоличный звук, который невозможно описать на бумаге. Говорят, что звук этот вызван вибрацией горных пород под весом струящегося песка. Периодически во время спуска Руперт останавливался и слушал этот странный, волнующий звук, пока тот не стихал. Затем, когда наскучило слушать пение струящегося песка, он преодолел оставшуюся часть склона и достиг берега Нила.

Здесь его размышления вновь были прерваны, на этот раз женщиной. Вообще-то он заметил ее, пока спускался, и тотчас же узнал в ней старую бродяжку, которая последний год-два жила в лачуге неподалеку, зарабатывая себе на жизнь тем, что обрабатывала полоску земли на берегу Нила. Так случилось, что примерно месяц назад Руперту удалось выхлопотать для нее компенсацию за ее скромный урожай, который сожрали вьючные животные, и за ее дойных коз, которых захватили солдаты. С этого момента старуха стала его преданным другом. Он частенько проводил приятный час в ее обществе, разговаривая с ней в ее хижине, или пока она работала в своем саду.

Внешне Бахита, ибо таково было ее имя, была странной личностью, совершенно не похожей на египетских и суданских женщин: высокая, худая, светлокожая для жительницы Востока, с правильными чертами лица и копной снежно-белых волос, которые свисали ей на плечи. Да, она так резко отличалась от них, что все местные жители называли ее не иначе как цыганкой и, соответственно, приписывали ей различные магические способности и много тайных знаний, что в последнем случае так и было.

Руперт поздоровался с ней по-арабски – на этом языке он теперь говорил необычайно бегло – и протянул для пожатия руку. Бахита взяла ее и, нагнувшись, коснулась губами.

– Я ждала тебя, мой отец, – сказала она.

– Уж лучше называйте меня своим сыном, – ответил он, с улыбкой, взглянув на ее белые локоны.

– Ой! – ответила она. – У некоторых из нас есть отцы, которые не из плоти. Я стара, но, возможно, твой дух старше меня.

– Все возможно, – серьезным тоном произнес Руперт. – Но скажи, в чем дело?

– Боюсь, я опоздала с моим делом, – ответила Бахита. – Я пришла предостеречь тебя против шейха Ибрагима, который некоторое время назад проезжал мимо моей хижины по дороге, чтобы навестить тебя в твоём лагере. Но ты уже видел его, верно?

– Да, Бахита, но откуда ты это знаешь?

– О! – ответила та уклончиво. – Я слышала, как ветер принес с вершины вон того холма его сердитый голос. Похоже, он угрожал и ругался.

Руперт кивнул.

– Извини, я знаю этого человека с детства, да и его отца тоже знала, ибо он навредил моему народу и хотел бы навредить еще. Вот почему я живу здесь, чтобы следить за ним. Он очень злой человек, жестокий и мстительный. Кроме того, с ним следовало говорить мягко, ибо его племя сильное, и он способен доставить правительству большие неприятности. Он не солгал, сказав, что солдаты грубо обошлись с ним, так как у одного из них были с ним старые счеты.

– Что сказано, то сказано, – равнодушно ответил Руперт, – но скажи мне, мать, откуда тебе так много всего известно?

– Мне? О, я сижу у реки и слушаю, и она шепчет мне свои вести – вести с севера, вести с юга, река рассказывает мне все. Хотя вы, белые люди, не слышите, эта древняя река имеет голос для тех, чьи уши открыты.

– А как насчет вестей с востока и запада, где не течет река? – спросил Руперт, улыбаясь.

– Вести с востока и запада? О, оттуда и отсюда дуют ветры, и те, чьи глаза открыты, видят в них больше, чем одну только пыль. У них тоже свои голоса, у этих древних ветров, и они рассказывают мне о царях моего народа, которые давно мертвы, а также о давно минувших войнах и любви.

Руперт рассмеялся.

– Ты умная женщина, мать, – сказал он. – Но будь осторожна, чтобы тебя не арестовали как шпионку махдистов, ибо ты не сможешь призвать Нил и знойный ветер-хамсин себе в свидетели.

– Ах, ты смеешься надо мной, – ответила Бахита, покачивая седой головой, – но вы, дивные белые люди, вам еще многому надо научиться у Востока, который был седым от времени, когда первый из ваших предков еще лежал в материнской утробе. Поверь мне, Руперт-бей, что у природы есть свои голоса и некоторые из них говорят о прошлом, некоторые о настоящем, и некоторые о будущем. Да, даже движущийся песок, по которому ты спустился, теперь имеет свой собственный голос.

– Это я уже знаю, потому что я слышал его, но, боюсь, не смогу по-арабски объяснить тебе его причину.

– Ты его слышал, да, и ты скажешь мне, что это, истирая камни, поет песок, или это камни поют под звуки песка, словно арфа на ветру. И так оно, вне всякого сомнения, и есть. Ты слышал голос, мудрый белый отец, но скажи мне, ты понял его разговор? Прислушайся! – воскликнула она, не дожидаясь ответа. – Я сидела здесь, наблюдая за тобой, пока ты спускался, и слушала, что песок говорил о тебе и о других, с кем связана твоя жизнь. О, нет, я не обычная гадалка. Я не читаю по руке и не черчу квадраты в пыли, не бросаю кости и камушки и не смотрю в капли чернил. Но иногда, когда голос говорит со мной, я вижу будущее и особенно будущее того, чьи ноги стоят на поющем песке.

– Вот как? И что он пел про меня?

– Этого я тебе не скажу, – ответила Бахита, покачав головой. – Я не имею права тебе это говорить, и поступи я так, ты бы счел меня обыкновенной обманщицей, коих на свете много.

– И все-таки, что там песок пел обо мне? – повторил он беззаботно, потому что только наполовину слушал ее разговор.

– Многое, Руперт-бей, – ответила она, – многое из этого было печально, а еще больше – благородно.

– Благородно! Не иначе, как это означает титул пэра! По большому счету, довольно безопасное пророчество, – с усмешкой пробормотал Руперт себе под нос и уже повернулся, чтобы уйти, но в последний миг остановился и спросил: – Скажи мне, Бахита, что тебе известно о затерянном храме в пустыне?

Та мгновенно наострила уши и ответила ему вопросом на вопрос:

– Как я могу о нем знать, если он затерян? Но что знаешь ты?

– Я, мать? Ничего. Меня интересуют история и старые храмы, вот и все, и я был уверен, что человек, умеющий толковать голоса реки, ветра и песка, должен о нем знать все.

– Возможно, так и есть, – спокойно ответила его собеседница. – Возможно, я скажу тебе, ибо я тебе благодарна. Приходи в мою хижину, и мы посмотрим.

– Нет, – сказал Руперт, – не сегодня. Сегодня я должен вернуться в лагерь, мне нужно написать письма. В другой раз, Бахита.

– Хорошо, в другой раз, а потом мы можем вместе посетить этот храм. Кто знает? Но я думаю, что сегодня вечером ты будешь не только писать письма, но и читать. Послушай! – и она подняла руку и кивнула в сторону реки.

– Я ничего не слышу, кроме воя шакала, – ответил Руперт.

– Неужели? А я слышу биение лопастей парохода. Через три часа он пристанет к берегу в Абу-Симбеле.

– Чушь! – воскликнул Руперт. – Я ожидаю его не ранее, чем через неделю.

– Люди часто получают то, чего не ждут, – ответила она. – Спокойной ночи, Руперт-бей! И да хранят тебя все боги, которые когда-либо были в Египте, пока мы не встретимся снова.

С этими словами она повернулась, и при свете взошедшей луны быстро зашагала между камней, упавших со скалы, на самом краю разлившегося Нила. Пройдя с полмили или чуть дальше на север, она вошла в калитку забора своего сада и приблизилась к своей глинобитной хижине.

Здесь Бахита села у двери на землю и задумалась, ожидая прибытия парохода, о котором ее предупредили не то собственные уши, не то некий путешественник. Ибо Бахита также ожидала письмо или, во всяком случае, сообщение, и размышляла о том, кто его написал или отправил.

– Глупая прихоть, – сказала она себе. – Неужели Таме мало собственной мудрости, которую она получила с кровью, что ей нужна еще мудрость этих белых людей? Неужели ради нее она готова оставить свое высокое положение и даже смешаться с дочерьми феллахов и спрятать свою красоту за яшмаком последовательницы лжепророка? Не иначе как бог наших отцов наслал на нее безумие, и теперь она в великой опасности, и этот пес Ибрагим грозит ей бедой. Но кто знает? Вдруг это безумие – не что иное, как истинная мудрость? О, есть вещи, слишком высокие для меня, и мой дар не способен прочесть всю ее судьбу. Поэтому я останусь здесь и буду смотреть в оба и держать ухо востро, как мне было велено.

Глава II. Два письма

Когда Руперт добрался до своего лагеря, располагавшегося за великим храмом, он спросил сержанта караула, не появлялся ли там шейх Ибрагим со своими слугами. Солдат ответил, что никого не видел.

«Он наверняка хотел застать меня одного. Как мне повезло, однако, что я захватил с собой пистолет», – подумал Руперт.

Затем он пообедал и написал донесение о встрече с Ибрагимом и других вопросах своему начальству в Каире. Заканчивая этот отчет, он к собственному удивлению услышал гудок парохода, а в следующую минуту его ординарец сообщил ему, что идущее вверх по течению судно быстро направляется к храму.

«Значит, старая Бахита была права. Какие, однако, у нее длинные уши», – подумал Руперт, поднимаясь на палубу корабля.

Судно оказалось правительственным и пришло из Ассуана. На его борту прибыла рота египетских войск под командованием такого же, как и сам Руперт, офицера, который привез служебные депеши и частные письма. Хотя одно из писем было написано почерком матери, чему Руперт был несказанно рад, ибо давно уже не получал от нее вестей, у него давно вошло в привычку первым делом читать депеши. Помимо прочего, в них содержался приказ, предписывавший ему немедленно отправиться в Каир, чтобы доложить начальству о положении дел в районе Вади-Хальфа. В этой же депеше сообщалось, что офицер, который доставил почту, останется вместо него в Абу-Симбеле.

Поскольку судно должно было отчалить вниз по Нилу на рассвете, Руперт провел большую часть ночи, инструктируя своего преемника. Он дал ему ряд советов и ввел в курс политической ситуации. Наконец, покончив с этим делом, тем более что рота солдат уже сошла на берег и расположилась лагерем, он смог заняться упаковкой собственных вещей. В результате Руперт взошел на борт парохода лишь в четыре утра, то есть, примерно за час до того как тот отчалил. Придя в свою каюту, наш герой вскрыл материнское письмо. Листок внутри конверта был написан карандашом и явно дрожащей рукой. Охваченный тревогой, Руперт начал читать. В письме говорилось следующее:

«Мой дорогой сын, в моем последнем письме к тебе я писала о том, как благодарна я была, что по милости Божьей, тебя благополучно миновали великие опасности битвы при Тоски и с каким восторгом прочла в официальных сообщениях о победе похвальные отзывы о тебе.

Это было пять недель назад, и я не писала с тех пор, потому что, мой дорогой Руперт, я была серьезно больна и не в состоянии это сделать. Я также, дабы тебя не пугать, не позволила никому писать вместо меня. Однажды вечером, Руперт, когда перед сном я читала Библию, на меня внезапно низошло странное чувство, и я ничего не помнила в течение двух дней. Когда я очнулась, врач сказал мне, что со мной случился удар, но я не поняла, какого рода, впрочем, это не имеет значения.

Он добавил, не тогда, а потом, что какое-то время мое состояние внушало тревогу, и сообщил мне, что, хотя на данный момент опасность позади, и я, возможно, проживу еще долгие годы, это, вне всякого сомнения, предостережение. Разумеется, я поняла, что он имел в виду, и больше не спрашивала.

Мой дорогой мальчик, как ты знаешь, я не боюсь смерти, особенно если та придет в такой милосердной форме, но, с другой стороны, я не хочу

умирать, не увидев тебя снова. Поэтому, если это возможно и если твоя карьера не слишком от этого пострадает, я прошу тебя как можно скорее приехать в Англию, ибо, Руперт, прошло одиннадцать лет с тех пор, как ты уехал из дома, и все это время я не видела твоего лица, разве что во сне.

Я не могу писать много, ибо моя левая рука парализована, и вся эта сторона моего тела неподвижная и беспомощная, отчего мне трудно сидеть, поэтому я прошу твою кузину Эдит Бонниторн рассказать тебе последние новости. Но одну я упомяну сама, поскольку молодая женщина, возможно, не захочет сообщать об этом в письменной форме джентльмену.

В семье лорда Дэвена очередное печальное разочарование, шестое, как мне кажется, с момента его повторного брака. На этот раз ребенок, мальчик, родился семимесячным. Какие только усилия не предпринимались ради спасения его жизни! Я слышала, что бедного малыша поместили в нечто вроде инкубатора, – это недавнее изобретение, которое, как говорят, очень успешно в подобных случаях. Увы, все было напрасно, ребенок умер.

Поэтому, хотя я и знаю, что тебе это безразлично, ты снова наследник лорда и, вероятно, им и останешься.

Бедная леди Дэвен приходила меня проведать. Она хорошая женщина, хотя и очень косная в своих религиозных взглядах. Если не ошибаюсь, она называет себя кальвинисткой (нет, ты только представь, он женился на кальвинистке!). Она больше сожалеет о том, что ребенок не был крещен, нежели о его печальной смерти. Говоря наполовину по-немецки, наполовину по-английски, как это за ней водится, когда она нервничает, его жена заявила, что, по ее мнению, ребенок умер из-за того, лорд Дэвен не позволил его крестить из опасения, что мальчик простудится, и добавила, что уверена в том, что ни один из их детей, если таковые у них еще будут, не выживут, пока ее муж не откажется от своего безбожия и вольнодумства.

Наконец, она заявила, что жалеет, что вышла за него замуж, но, похоже, это было наказание за ее грехи, худшим из которых было то, что она, позволив ослепить себя перспективой блестящего брака, на слово поверила ему, когда он поведал ей о своих религиозных воззрениях, и даже не поставила в труд выяснить, сказал ли он ей правду. Я слышала, что между ними произошла громкая ссора по поводу крещения младенца, в которой она, похоже, одержала верх, хотя он так и не уступил, ибо Табита (это ее имя) умеет быть волевой и сильной. Во всяком случае, лорд Дэвен вышел из себя и накричал на нее, заявив, что, мол, пусть кто-то из них двоих умрет, на что она ответила, что лично она не станет принимать хлорал. Я рассказываю тебе все это потому, что ты должен это знать. Это печальная история, и, как мне кажется, в словах бедной леди Дэвен что-то есть. Постарайся приехать ко мне, мой дорогой, дорогой Руперт.

*Твоя любящая мать,
Мэри Уллершоу».*

Материнское письмо тронуло Руперта до глубины души. Мать была единственной, кого он любил на этом свете. И хотя он смутно понимал, что рано или поздно это случится, теперь она могла умереть в любой момент. То, что на самом деле она побывала одной ногой в могиле, явилось для него ударом. До этого он ни разу не бывал в отпуске. Во-первых, потому что не хотел возвращаться в Англию, ибо это было чревато неизбежной встречей с лордом Дэвеном, во-вторых, потому, что его карьера на каждом новом месте шла вверх столь стремительно, что

взять отпуск и уехать домой означало бы упустить очередную солидную возможность продвижения по службе.

И вот сейчас Руперт понял, что был неправ, что им двигал эгоизм и что теперь, возможно, уже трудно что-либо исправить. И он принял решение: первым же пароходом отплыть домой, даже если это означает отказ от нового звания в египетской армии. Приняв это решение, он взял второй конверт, четким и аккуратным почерком адресованный подполковнику Уллершоу, кавалеру ордена Бани, офицеру дипломатической службы египетской армии.

«Смотрю, она не упустила ничего. Что ж, это в духе Эдит», – подумал он про себя, когда его взгляд упал на довольно просторную надпись. Затем вскрыл конверт и погрузился в чтение письма.

Как и во всех ее письмах, а надо сказать, что Руперт получал их по несколько штук в год, Эдит Бонниторн, похоже, прилагала все усилия к тому, чтобы рассеянный родственник ее не забыл. Очередное письмо было длинным, четко и складно написанным, отчего возникало впечатление, что его тщательно обдумывали и возможно даже, не раз переписывали.

Начиналось оно с теплых поздравлений дорогому кузену Руперту за то, что он не только вышел живым из сражения при Тоски, сообщения о котором она читала с дрожью в сердце, но и снискал себе славу, что, добавляла она, наполняло ее еще большей гордостью за него, нежели раньше.

Затем следовало подробное описание болезни его матери, исход которой, писала Эдит, они ждали с тревогой, ибо несколько часов подряд казалось, что его матушка вот-вот отойдет в мир иной.

За этим следовали разнообразные новости. Например, Эдит сообщала ему, что картежные долги, проигрыши на скачках и общая склонность к экстравагантности привели к тому, что Дик Лермер, приходившийся им обоим кузеном, оказался в весьма щекотливом положении, и против него было начато дело о банкротстве. Но в последний момент лорд Дэвен пришел ему на выручку и рассчитался с кредиторами. Более того, он назначил Дика своим личным секретарем, да еще с хорошим жалованьем – ибо адвокатом тот не зарабатывал ничего. А поскольку Дик – превосходный оратор и пользуется популярностью, лорд Дэвен решил, что он должен участвовать в выборах от либеральной партии, ибо ту часть страны, где находятся владения лорда, в парламенте представляет один консерватор, которого он на дух не переносит и хотел бы его сместить.

Поэтому, добавляла Эдит, Дик снова встал на ноги, хотя казалось, что на этот раз ему ни за что не выкарабкаться. «Скажу честно, я искренне рада – как за него самого, так и тому, что все эти неприятные семейные скандалы, похоже, остались в прошлом», – писала родственница.

Сам лорд Дэвен, продолжала Эдит, после смерти малютки-сына пребывает в жутком состоянии духа. Если честно, она даже представить не могла, что он способен на такие глубокие переживания. Кроме того, в его семье царит разлад, он и его супруга постоянно скандалят по причине религиозных разногласий. Более того, похоже, верх берет его жена, ибо все его язвительные замечания и сарказм никак на ней не сказываются и она практически ни разу не вышла из себя. Чем все это закончится, Эдит не берется гадать, однако лорд постарел и сдал буквально на глазах. В конце письма кузина умоляла Руперта приехать домой и провести мать, ибо в противном случае он, вероятно, никогда ее больше не увидит, и вообще, следует немного отдохнуть после стольких лет тяжелых трудов. Эдит также выражала уверенность в том, что ему будет интересно завести знакомство с влиятельными людьми Лондона, которые будут только рады подтолкнуть успешного человека с хорошими общественными и профессиональными перспективами еще выше, главное, нужно лишь им о себе напомнить.

Положив ее письмо рядом с материнским, Руперт задумался, ибо слишком устал, а также был слишком взволнован, и сон не шел к нему.

Он вспомнил, когда в последний раз видел Эдит Бонниторн и Дика Лермера. Это было много лет назад, когда он слег после той ужасной любовной связи. Они оба приходились ему и между собой троюродными родственниками, будучи по мужской или женской линии потомками того самого старого Уллершоу, который женился на наследнице пивовара и сколотил огромное состояние, принадлежавшее в данный момент лорду Дэвену. Эдит была дочерью некоего мистера Бонниторна, служителя Высокой Церкви, который в один прекрасный день уехал в Рим, удалился в монастырь и там умер. Его жена, с которой он в течение нескольких лет до этого шага жил порознь, якобы, по причине ее дружбы с родственником, лордом Дэвеном, чего супруг не одобрял, была женщиной редкой красоты, очарования и ума. Но, увы, она тоже давно уже умерла.

Дик Лермер, следующий за Рупертом в цепочке наследников состояния лорда Дэвена, – хотя сам титул не перешел бы к нему по причине особой оговорки в оригинальном патенте, – был сыном адвоката канцлерского суда, испанца по происхождению. Их настоящее испанское имя было Лерма, но за многие поколения жизни в Англии было переименовано на английский манер. Этот мистер Лермер умер рано, оставив супруге, одной из Уллершоу, и сыну Ричарду, приличные средства к существованию, и, пожалуй, все.

После смерти своей матери Эдит Бонниторн, у которой не было за душой ни гроша, переехала жить к вдове мистере Лермера. Вот почему она и Дик выросли вместе. Поговаривали, по крайней мере, Руперт такое слышал, что бездетный лорд Дэвен был не против взять ее к себе в дом, на что его первая жена Клара ответила решительным отказом, что и стало одной из причин взаимного охлаждения супругов.

Руперт отчетливо помнил, как когда-то давно Дик Лермер и Эдит Бонниторн вдвоем стояли у его постели. В то время Дику шел двадцать второй год. Сначала он хотел стать врачом, но какое-то время спустя забросил медицину и начал обедать в коллегии адвокатов, ибо теперь принадлежал к их сословию. Уже тогда это был весьма распущенный и экстравагантный молодой человек. Владелец яркой, красивой внешности, он пользовался успехом у женщин. Вероятно, их восхищал взгляд его темных, томных глаз под длинными ресницами, его смуглое, овальное лицо и кудрявые каштановые волосы, унаследованные им от предков-испанцев. Или же их привлекала его сентиментальная и вместе с тем страстная натура, его готовность отвечать на их чувства. Во всякой случае, женщины любили его. Кузина, Эдит Бонниторн, на тот момент еще школьница, не была исключением из правил, хотя даже будучи в юном возрасте, отлично знала недостатки Дика и постоянно его отчитывала за них.

Она была красивым ребенком, эта Эдит, – высокая и стройная, с прекрасной осанкой. Люди имели привычку оборачиваться ей вслед. Бог дал ей правильные черты лица, тонко очерченные брови, широкий лоб, пышные золотисто-рыжеватые волосы, огромные синие глаза под слегка тяжелыми веками, идеальной формы нос и рот, а также алые губы, открывавшие в улыбке белоснежные зубы, маленькие изящные кисти и стопы, длинные пальцы и овальной формы ногти. Именно такой она запомнилась Руперту.

Да, он должен вернуться домой. Он должен увидеть всех этих людей, хотя, если честно, ему хотелось увидеть одну только мать, и больше никого. Их жизни и его собственная разошлись так далеко, но судьба вдруг вновь велела им пересечься. Продолжая размышлять в том же духе, Руперт принялся вспоминать, что слышал о них в последние годы. По большому счету ничего, поскольку он сам ими не интересовался.

Вторая жена лорда Дэвена, на которой тот женился через десять месяцев после смерти Клары, была немецких кровей и теперь занимала место старшей носительницы титула. Руперт слышал, что лорд женился на ней, руководствуясь, как он выразился, научными принципами. А если кратко, то потому, что немки считались образцом домашних добродетелей. Но что подвигло ее выйти замуж за лорда Дэвена – об этом он понятия не имел, разве только потому,

что это был лорд Дэвен. Результат оказался малоутешителен, ибо, судя по обоим письмам, брак, основанный на научных принципах, потерпел сокрушительное фиаско.

Разумеется, все это лично ему было только на руку, однако сей факт совершенно не радовал Руперта. Более того, он был бы искренне рад, если бы его кузен Дэвен был на тот момент отцом многочисленного семейства. Руперт не горел желанием наследовать ни богатство, ни титул, если таковые на него свалятся, будучи совершенно равнодушен как богатству и положению в обществе, не заработанным им самим, так и к тому образу жизни, какой те предполагали.

Неким загадочным шестым чувством, которым мы все, хотя и в разной степени, наделены – он понимал, более того, был уверен, что это богатство и почести не принесут ему счастья. Кроме того, по причинам, о которых читатель может сам легко догадаться, ему претило само имя Дэвен. Увы, такова была ситуация и ему оставалось лишь надеяться, что она изменится.

Что до остальных родственников, то его кузен, красивый, чувственный, беспринципный искатель наслаждений Дик Лермер, о котором Эдит писала в своем письме, до сих пор шел по жизни тем самым путем, какой он предсказал бы ему. После смерти матери Дик получил скромное состояние, приносящее около тысячи фунтов годового дохода, которые он легко и красиво пускал на ветер. В данный момент он подвизался на роли прихлебателя и мальчика на посылках у лорда Дэвена. Худшей судьбы для мужчины Руперт не мог даже представить, и даже перспектива стать марионеточным членом парламента была бессильна ее радикально улучшить. Ибо на то она и марионетка, чтобы беспрекословно плясать под дудку своего покровителя и хозяина. Руперт вспомнил, что несколько лет назад до него дошли слухи о возможной помолвке между Диком и Эдит. Если в слухах этих и была крупинка истины, судя по всему, из этой затеи ничего не вышло. Да, крупинка истины, возможно, была, ибо он вспомнил, что когда Эдит была еще юной девушкой, Дик был к ней сильно привязан, и Эдит, похоже, разделяла его чувства. Несомненно, если это наблюдение было верным, то как только она раскусила истинный характер своего воздыхателя, ей хватило здравого смысла положить конец этому увлечению.

Что касается самой Эдит, то по какой-то договоренности, детали которой были ему непонятны, но которая похоже, устраивала их обоих, будь то с финансовой точки зрения или какой-то иной, но последние пять лет она жила в доме его покойной матери, куда переселилась после смерти миссис Лермер. Хотя в своих письмах к нему мать Руперта никогда не отзывалась о ней с приязнью, с другой стороны, она никогда не жаловалась, если не считать слов о том, что Эдит, похоже, крайне недовольна своим положением и жизненными перспективами. Что, добавляла мать, нетрудно понять, учитывая ее редкую красоту и немалые таланты. Как так получилось, размышлял Руперт, что женщина, наделенная такой красотой, что судя по ее фотографии, так и было, а также не обделенная разумом, дожила до таких лет и так и не вышла замуж? Наверно потому, что ей еще не встретился тот, кто был бы ей небезразличен. И если это так, то ее сердцу следует воздать должное, точно так же, как разорвав отношения с Диком, – если таковые и были, – она продемонстрировала наличие здравого смысла.

Ничего, вскоре он все узнает. Тем более что пароход уже отплывает. Руперт со вздохом положил оба письма в карман и вышел на палубу. На востоке вставало солнце – огромный золотой шар, и его прямые жгучие лучи падали прямо на сидящих над воротами Абу-Симбела колоссов. Стрелы света проникали в дальние загадочные уголки храма с его рядами колонн. Когда Руперт впервые увидел этих молчаливых каменных исполинов, те как будто улыбнулись ему. Улыбались они и сейчас, на прощание. Интересно, подумал Руперт, увидит ли он их когда-нибудь снова, эти жутковатые монументы, которые провожали взглядом не одно поколение египтян, греков, римлян, персов, сарацинов и христиан? Ответа на этот вопрос он не знал, однако шестое чувство вновь подсказывало ему, что он их увидит. То же самое думала и Бахита, ибо спустя несколько минут пароход проплыл мимо ее хижины. Стоя на берегу, она крикнула ему:

– Прощай, Руперт-бей! Но не надолго, а пока вновь не вернешься сюда!

Руперт помахал ей в ответ и неотрывно смотрел на нее, пока ее высокая фигура не скрылась за поворотом реки. Лишь тогда, чувствуя, что его вот-вот сморит сон, он вернулся в каюту и лег в постель.

Глава III. Возвращение Руперта

Одним унылым днем в конце сентября, после почти двенадцати лет отсутствия Руперт вновь ступил на английскую землю. Его корабль прибыл в Плимут ранним утром, а накануне, примерно в десять часов вечера, сам он не сводил с горизонта глаз, наблюдая за тем, как яростно мигает маяк на острове Уэссан, пока тот наконец не погас, словно лампа, в которой кончилось масло. По расчетам Руперта, корабль должен был войти в порт не позднее девяти часов. Ночь была довольно ясной, и Руперт, прежде чем лечь спать, курил трубку и считал огни, красные и зеленые, многочисленных судов, бороздящих океанские просторы вблизи знаменитых уэссанских маяков, причем, некоторые из этих кораблей проплывали всего в нескольких сотнях ярдов от его лайнера. Но позднее, когда они уже вошли в Ла-Манш, сгустился туман.

Как и большинство бывалых морских путешественников, ощутив изменение такта двигателей, он моментально проснулся. Затем, повторяясь каждые две минуты, меланхолично загудела сирена. Руперт встал и, выглянув в иллюминатор, увидел, что они вошли в полосу густого тумана, ползти через которую им придется несколько часов, оповещая о своем присутствии регулярными гудками. Время от времени из нее доносились ответные гудки точно таких же напуганных кораблей, как и их собственный.

Хотя солнце проглядывало сквозь эту пелену, словно желтый китайский фонарь, окончательно туман рассеялся лишь к десяти утра. В результате на якорь в плимутской гавани они встали лишь в четыре часа пополудни.

Еще два с половиной часа ушло на то, чтобы перегрузить багаж, серебряные слитки и пассажиров на баржу, а затем пройти таможеню, так что специальный поезд, пыхтя паром, покинул станцию Плимута лишь когда уже стемнело. Руперт, безразличный к зазнайству и чванству, а также привыкший бережно обращаться с деньгами, купил себе билет второго класса и, как вскоре выяснилось, оказался в своем вагоне единственным пассажиром.

Здесь, на юге Англии вечер был теплый и приятный, и он опустил окно, чтобы выглянуть наружу. Мягкая быстрая изморось придавала осеннему пейзажу печать некой особой грусти. Меланхоличные коровы стояли у ворот, ведущих на набрякшие дождевой влагой поля; под порывами ветра с деревьев облетали листья; раскрыв над головой зонтики, женщины спешили в свои дома, чьи еще не подсвеченные лампами окна и холодные очаги придавали их серым каменным стенам ощущение полного запустения. Привыкнув за долгие годы к Востоку, к его величественным звездным ночам, Руперт поймал себя на том, что окружающий пейзаж воистину погружает его в уныние, проникающее до самых глубин его сердца.

Наверно, он зря вернулся в Англию. Интересно, что его здесь ждет? И жива ли его мать? Или нет? Вполне может статься, что она уже отошла в мир иной, ибо с тех пор, как он получил ее письмо в Абу-Симбеле, новых известий от нее не поступало, и хотя он телеграммой известил о своем прибытии, было еще слишком рано надеяться на ответ. Нет, конечно, он надеялся получить от нее весточку еще в Плимуте и даже простоял двадцать минут в очереди к окошку «до востребования», однако к его великому разочарованию там для него не оказалось ни писем, ни телеграмм.

Поначалу Руперт встревожился, однако затем вспомнил, что забыл сообщить ей название своего судна, вышедшего из Порт-Саида, а значит, на его борту никак не мог рассчитывать на весточку от матери. Таким образом, ее молчание еще ничего не значило. И все же ему было страшно, причем, он сам не мог сказать, почему. Страшнее даже, чем когда-либо в начале сражения или какого-либо опасного, рискованного дела. К нему как будто подкрадывалась опасность, причем не вымышленная, а настоящая.

В Эксетере Руперт купил вечерних газет, коих не держал в руках уже многие годы. Прочтя их, он на время забыл о своих смутных тревогах. Время тянулось медленно. Вскоре оно уже

казалось ему едва ли не вечностью, но тут он, наконец, увидел огни унылых лондонских пригородов, которые лишь подчеркивали это гнетущее однообразие. Собранное то здесь, то там в пошлые созвездия питейных заведений, тут как будто обосновалось целое небо павших звезд.

Пэджингтон. Наконец-то! Их поезд на всех парах въехал под огромные пустые своды вокзала. Хотя на часах была половина двенадцатого ночи, на той платформе, на которую он прибыл, стояли люди – друзья и родственники, пришедшие встретить пассажиров, прибывающих в Англию. Вот, например, молодая жена, увидев лицо мужа, вместо того, чтобы ожидать остановки поезда, бежит рядом с дверью вагона, не обращая внимания на недовольных носильщиков, на которых она то и дело налетает на бегу. Еще мгновение, и пара после долгой разлуки уже сжимает друг друга в объятиях. Руперт отвернулся, чтобы не подглядывать за их счастьем, лишь пробормотал себе под нос:

– Повезло парню, его кто-то встречает!

С этими словами он сошел на платформу и поискал глазами носильщика, который бы помог ему с багажом. Увы, он был вынужден какое-то время ждать, ибо все носильщики первым делом бросились к пассажирам первого класса, предоставив горстке «вторых» заботу о себе самих.

Пока Руперт терпеливо ждал, он обратил внимание на высокую даму в длинном плаще, которая всматривалась в лица толпы. Явно расстроенная, она зашагала было мимо него к другой группе пассажиров у салон-вагона, расположенного чуть дальше, и их взгляды встретились.

– Смею предположить, – сказал он, делая шаг ей навстречу и поднимая шляпу, – что вы моя кузина Эдит, только повзрослевшая.

– О Руперт! Это вы! – воскликнула она низким, приятным голосом и протянула изящную руку. – Конечно, это я, не просто повзрослевшая, а уже совсем взрослая!

– Одну минутку, – перебил ее Руперт. Темный плащ и шляпа говорили о том, что, возможно, дама принесла не самые лучшие известия. – Скажите... как там моя мать?

– О, ей гораздо лучше и она передает вам свой привет, но приехать и встретить вас она, разумеется, не могла.

Выражение тревоги покинула лицо Руперта.

– Слава богу! – воскликнул он, издав вздох облегчения. – Смотрите, вот и носильщик. Давайте займемся моим багажом.

– Я нигде не могла вас найти, хотя вы такой видный, – сказала Эдит, когда они, заручившись помощью носильщика с четырехколесной тележкой, последовали за ним к одному из фургонов. – Скажите, где вы прятались? Я уже решила, что вас вообще нет в этом поезде.

– Нигде. Я стоял почти пять минут рядом с вагонами второго класса.

– Ой, я там даже не искала. Я не думала, что... – она осеклась.

– Эй, вот один из моих! – воскликнул Руперт указывая на выдавший виды жестяной ящик на котором было написано «*Лейтенант Р. Уллершоу. К. А.*»⁵.

– Я отлично помню эту жестянку, – сказала Эдит. – Помню, как она стояла в прихожей вашего дома, и ваше имя было написано на ней свежей, белой краской. Я тогда пришла попрощаться с вами, но вас дома не оказалось.

– А вы наблюдательная! – заметил Руперт, с любопытством на нее глядя. – С тех пор этот ящик немало пережил, как и его владелец.

– Да, – скромно согласилась она, – разница лишь в том, что пережитое вами сделало вас лучше.

И она одарила его высокую солдатскую фигуру взглядом, полным восхищения.

---

⁵ К.А. – Королевская артиллерия. В 1741 г. в Королевском арсенале в Вулидже была образована Королевская военная академия для подготовки личного состава Королевской артиллерии (Royal Artillery – R.A.).

– Давайте обойдемся без комплиментов, – ответил Руперт, слегка покраснев, – я к ним не привык. Если же вы будете говорить их мне, я буду вынужден делать то же самое.

– У вас вряд ли что-то получится, – игриво возразила она, – потому что в этом плаще меня почти не видно.

– Отчего же? Например, ваше лицо отлично видно, и оно очень даже хорошенькое, – выпалил он, отчего настала ее очередь покраснеть.

– Ну вот, – неловко продолжал Руперт, когда тележка, с горой нагруженная его багажом, наконец сдвинулась с места. – С вашей стороны верх человеколюбия – приехать и встретить меня, тем более одной и в столь поздний час. Я никогда этого не ожидал и крайне вам благодарен.

– Боже мой, Руперт, и как только вы могли подумать, что я могла поступить иначе? Разве только если бы я сломала ногу или что-то в этом роде! Да я была бы здесь даже в три утра. Для меня это величайшее удовольствие, коего я была лишена длительное время. К тому же, Руперт, я, то есть мы все, так гордимся вами!

– О, прошу вас, полноте, Эдит, – перебил он ее. – Я всего лишь выполнял свой долг, причем, не всегда хорошо, и был награжден совершенно не по заслугам, в то время как куда более достойные люди, нежели я, были обойдены милостями начальства. Наверно потому, что я считался перспективным кадром. Поэтому давайте оставим эту тему, иначе мы поссоримся.

– Ну что, давайте оставим. Мне не хотелось бы с вами ссориться, наоборот, я хотела бы с вами подружиться, ибо друзей у меня совсем немного. Но вы не сердитесь на меня за то, что я все равно горжусь вами. Вы единственный среди нас, кто сделал нечто похвальное и полезное, вместо того чтобы понапрасну прожигать время, силы и деньги на разного рода сомнительные увлечения, вроде скачек и карт.

В ответ Руперт пробормотал, что такого рода увлечения, как правило, плохо кончаются.

– Совершенно верно, – поддакнула Эдит, – и прошу вас не считать меня ханжой за то, что я говорю такие вещи, потому что я и сама недалеко ушла. Хотя мне ужасно за это стыдно. Но недавно мы получили один такой урок, с несчастным Диком, вместе с которым, как вы знаете, я выросла, как сестра, – скандал в газетах и все такие прочее. Не удивительно, что я немного сердита, но также рада, что есть среди нас тот, чье имя упоминается в газетах по совершенно другому поводу.

Когда она говорила эти слова, свет фонаря от проезжавшей мимо кареты упал на ее серьезное лицо и широко раскрытые синие глаза, и Руперт понял, какие они чистые и прекрасные.

Безусловно, даже будь таково ее собственное желание, Эдит не смогла бы найти лучший способ и возможность произвести первое прекрасное впечатление на довольно простой, наивный ум своего кузена Руперта.

Наконец тяжело нагруженный экипаж подкатил к хорошо знакомой двери маленького дома в Риджентс-парке, который он оставил много лет назад.

– Входите, Руперт, не мешкайте, – сказала Эдит. – Ваша матушка будет ужасно рада вас видеть. А я пока заплачу кэбмену.

Руперт сначала заколебался, однако, пробормотав, что это весьма мило с ее стороны, уступил, и не просто поднялся, а взбежал вверх по ступенькам крыльца, а потом влетел в дверь, которую служанка открыла, услышав стук колес по мостовой, а уже в доме – вверх по лестнице в гостиную на втором этаже.

Здесь, сидя в инвалидном кресле, раскинув руки, чтобы заключить его в теплые материнские объятия, со словами радости и благословения на устах его встретила возлюбленная матушка, которую он не видел вот уже много лет.

– А теперь пусть твоя рабыня упокоится с миром, ибо глаза мои узрели... – прошептала она, но осеклась, ибо ее душили слезы.

Руперт поднялся с колен и, отвернувшись, сдавленным голосом сказал, что должен посмотреть, как там идет разгрузка багажа. Спустившись вниз, он застал внизу Эдит и двух служанок. Втроем они вели отчаянное сражение с его вещами, которые вредный кэбмен отказался заносить в дом.

– Довольно, Эдит, – сердито сказал он. – Это не ваше дело. Почему вы не позвали меня?

– Потому, что не хотела вам мешать, – задыхаясь, ответила она. – Но, признайтесь, Руперт, не иначе как вы положили в ваши чемоданы свинец. Или же в них лежат все ваши сбережения?

– Нет, – ответил он, – там лишь парочка каменных стел и большой бронзовый Осирис, я имею в виду египетского бога. Отойдите, барышни, я займусь этим завтра. Мне хватит этой сумки, в которой лежат мои дорожные принадлежности.

И барышни с готовностью ушли, ибо не горели желанием и дальше знакомиться с ящиками полковника – одна в кухню, вторая – с сумкой наверх, – оставив Руперта и Эдит наедине.

– Нет, вы только представьте! – воскликнула та. – Вы только представьте человека, который, вместо личных вещей, путешествует с египетскими богами в чемодане! Руперт, я пожертвовала своими лучшими перчатками, возложив их на алтарь ваших богов, – с этими словами она протянула руку, чтобы показать ему порванную лайковую перчатку.

– Я подарю вам новую пару! – пылко воскликнул он, все еще не оправившись от замешательства, после чего они прошли в столовую, где их уже ждал ужин.

– Боже мой, с непривычки мне даже сделалось жарко, – сказала Эдит и, сбросив сначала длинный плащ, а затем сняв шляпу, встала перед ним в полный рост в свете лампы.

О, как же прекрасна она была! Как восхитительна! По крайней мере, так подумал наш обитатель пустыни, чье сердце и ум от радости и благодарности сделались мягкими, как воск, не говоря уже о том, что он много лет был лишен возможности общаться с англичанками.

Безусловно, его надежды в отношении Эдит оправдались. Молодая, идеально сложенная, изящная и при этом высокая, с прекрасными волосами, блестящими золотой короной над чистым лбом. А эти огромные синие глаза! Эти правильные, четкие черты лица, чью горделивость смягчала округлость щек и подбородка, эти плавные, размеренные движения! Все из этого было прекрасно само по себе, а вместе взятое делало Эдит в высшей степени привлекательной и грациозной женщиной, если не сказать, настоящей красавицей.

В этот момент ее очарование завладело его сердцем, и хотя сам он еще об этом не догадывался, Руперт в нее влюбился – он, кто со времен юности ни разу не думал так ни о какой женщине. Более того, его ясные глаза тотчас же рассказали ей все.

В течение нескольких секунд они стояли, не сводя глаз друг с друга, а затем она сказала:

– Не желаете ли несколько минут поговорить с вашей матушкой, пока кухарка отнесет наверх суп? Вы должны непременно его отведать, ибо она расстроится, как впрочем, и я, потому что мы готовили его весь день.

И Руперт ушел. Как только дверь за ним закрылась, Эдит устало опустилась в кресло, как человек, наконец-то сбросивший с себя тяжелую ношу, и ее лицо приобрело задумчивое выражение.

– Наконец-то, – сказала она себе, – все произошло даже лучше, чем я ожидала. У него никого нет, в этом я уверена, но остается вопрос, нравится ли он мне? Не думаю, хотя он по-своему хорош собой и, к тому же, мужчина. Между нами по-прежнему стена, как когда-то в детстве, – мы слишком разные. Нет, вряд ли он мне нравится. – И она слегка вздрогнула. – К тому же не следует забывать, что еще есть бедняга Дик. О, Дик! Дик! Если я упущу этот шанс, он будет уже третьим, которым я пренебрегла ради тебя. Дик, мот и распутник Дик, ты единственный мужчина, кто не вселяет в меня дрожь. Но я не уверена. Руперт порядочный. Он имеет награды. Ему наверняка перейдет титул лорда Дэвена. Нищие, как известно, не выби-

рают. Нет, конечно, у меня еще есть время на раздумья, пока, прежде чем он встретит другую женщину, я постараюсь влюбить его в себя.

Затем дверь открылась, и горничная внесла суп.

Таково было возвращение домой Руперта Уллершоу.

Глава IV. Деловой разговор

Эдит, не любившая вставать рано, завтракала у себя в комнате. В половине десятого утра на следующий день после приезда Руперта горничная как обычно принесла ей поднос с завтраком, газету – «Морнинг Пост» – и три письма. Два из них были ей хорошо знакомы – неоплаченные счета от шляпника, третье же было написано рукой лорда Дэвена, такой же суровой и твердой, как и его лицо. Пожав округлыми плечами, Эдит отбросила прочь счета шляпника и вскрыла конверт от своего титулованного родственника. Письмо, вернее, записка, оказалось коротким и по делу:

*«Дорогая Эдит, если сможете, ждѹ вас у себя после завтрака. Буду дома до без четверти одиннадцать и хотел бы поговорить с вами.
Ваш Дэвен».*

– Не было печали! – воскликнула она, откладывая письмо. – Мне нужно быстро переодеться и поймать кэб! Тогда пусть он мне его оплатит! Интересно, что ему от меня нужно?

Теперь лорд Дэвен жил на Гровнер-сквер. Похоже, даже в умах самых прогрессивных современных агностиков обитают древние суеверия. Вероятно, подобно тому, как африканский дикарь сжигает хижину, в которой кто-то умер, и строит себе новую, точно такое же чувство вынудило лорда Дэвена после трагической смерти первой жены продать дом на Портленд-Плейс, причем гораздо дешевле его реальной стоимости, и купить себе новый. Хотя справедливости ради следует добавить, что в документах в качестве причины продажи дома он назвал состояние канализационных труб. Как бы то ни было, леди Дэвен «Номер Два» никогда не спала в спальне леди Дэвен «Номер Один», где та наложила на себя руки.

Ровно в 10:46 Эдит расплатилась с кэбменом на широких ступенях особняка на Гровнер-сквер.

– Лорд Дэвен у себя? – спросила она у дворецкого, того же самого молчаливого брюнета, который занимал эту должность еще в доме на Портленд-Плейс.

– Да, мисс Бонниторн, – учтиво ответил тот. – Я только что чистил его шляпу, – и он с сомнением посмотрел на часы.

– Проведите меня к нему, Тэлбот, он желает меня видеть, – сказала она, на что Тэлбот ответил кивком.

Хотя никаких указаний на этот счет он не получал, он давно понял, что желания мисс Бонниторн в этом доме принято выполнять.

Спустя несколько секунд она уже входила в библиотеку, расположенную позади столовой. В самом ее конце, возле окна, сидя за изящным письменным столиком, ее ждал лорд Дэвен, который в данный момент был занят тем, что запечатывал какое-то письмо.

– А, моя дорогая Эдит! – произнес он решительным, четким голосом, когда она медленно подошла к нему. – Вы едва не опоздали. Еще полминуты, и вы бы уже не застали меня.

– Порой полминуты равны целому веку, – ответила она. – За полминуты может многое произойти, кузен Джордж. Например, кто-то может умереть.

– Да, – согласился Дэвен, – или родиться, что еще хуже, или совершить убийство, или дать согласие на брак, или, как вы только что справедливо заметили, сделать очень многое. Жизнь состоит из половинок минут, не так ли, и, как правило, все они плохи. – С этими словами он посмотрел на нее и улыбнулся своей характерной улыбкой, которая, похоже, никогда не покидала его губ.

Приятные по натуре люди обычно улыбаются глазами, другие, иной закваски, словно собака, одними губами, что придает их разнообразному выражению внутренней удовлетворенности легкую саркастическую окраску.

С тех пор как мы в последний раз видели его, лорд Дэвен сильно изменился. Белокурые волосы тронула седина, заостренная бородка тоже стала совсем седой. Морщины на лице сделались резче и глубже, и даже в плохо освещенной библиотеке под его быстрыми, подвижными глазами были заметны «гусиные лапки», линии мелких морщинок. Возраст наложил на него печать, хотя ему было всего шестьдесят три года.

Кроме того, он в известной мере утратил былую надменность, а его железная воля и решительность, похоже, тоже ослабли. Порой он колебался и пытался понять другую сторону в споре, был менее уверен в фактах и менее решителен в применении их к своим частным делам.

– У вас усталый вид, – сказала Эдит, когда он поднялся из-за стола, чтобы поцеловать ее прохладную, розовую щеку.

– О да, еще как! – воскликнул он и, издав нечто похожее на стон, вновь опустился в кресло. – Разве вы не устали бы на моем месте, если не смыкали глаз три ночи подряд? Эдит, я не могу спать, и не знаю, чем все это закончится. Честное слово, не знаю.

Она с беспокойством посмотрела на него, ибо их, несмотря на разницу в поле и возрасте, связывали прочные узы взаимной симпатии, и она искренне расстроилась по поводу его нездоровья.

– О, мне право жаль, – мягко сказала она. – Бессонница – ужасная вещь. Но вы берегите себя, избегайте волнения, и она пройдет.

– Да, – мрачно отозвался лорд Дэвен, – она пройдет, потому что сегодня вечером я точно приму снотворное. Я всегда принимаю его через три ночи на четвертую, хотя и ненавижу это делать.

– Эти лекарства порой ведут к несчастным случаям, кузен Джордж, – ответила Эдит, притворившись, будто рассеянно водит зонтиком по цветочному узору на ковре, но на самом деле пристально следя за его лицом из-под длинных опущенных ресниц.

– Да, порой они ведут к несчастным случаям, – повторил он вслед за ней. – Кому это знать, как не мне. С другой стороны, несчастные случаи порой бывают весьма кстати. Скажу больше, хотя вам, Эдит, жизнь все еще кажется весьма приятной, другие могут думать иначе.

– Только не вы, кузен Джордж, с вашим положением в обществе и богатством.

– Я уже немолод, Эдит, и потому знаю, что положение и богатство, которые вы оцениваете столь высоко, не всегда означают счастье, и даже удовлетворенность. В конце концов, кто я такой? Богатый пэр, при имени которого немолодые женщины и священнослужители, сами не зная почему, обращают свой взор к небу, и которого боятся мужчины, а все потому, что я привык говорить резкости – иными словами, один из толпы богатых пэров, только и всего. Что до моей личной жизни, то мне все неинтересно. Я, как тот римский император, не могу найти себе новое увлечение. Даже скачки и высокие ставки наводят на меня скуку. Дома же – вы сами знаете, как обстоят дела. Скажем так, я не первый мужчина, который, купив корову, обнаружил, что у нее есть рога и она не только бодается, но и громко мычит.

Эдит улыбнулась: ей понравилось его сравнение.

– Как вы знаете, такова моя единственная надежда, – продолжил он почти безучастно, – а если нет, вы уже достаточно взрослая и имеете мозги, чтобы понять. Я хотел иметь сыновей от спокойной, надежной родительницы, сыновей, которые бы нашли достойное применение всем этим богатствам и титулам, чего я сам уже никогда не сделаю, ибо слишком поздно. Мужчин, которые бы несли дальше достойное имя и совершали достойные дела, а не как я когда-то, прожигали зря свою молодость в погоне за удовольствиями, или тем, что я принимал за удовольствия; чтобы они не растрачивали свои лучшие годы на безделье и пустые увлечения, которые никуда не ведут, не стремились к ненужному обогащению, чтобы не провести свою старость в сожалениях и тревогах. Я хотел сыновей. Это была моя единственная мечта, но... – он помахал в воздухе рукой, – где они, мои сыновья?

Эдит знала: в том, что касается его интересов, лорд Дэвен – человек твердый, даже жестокий, в том смысле, в каком обычно понимают это слово, как например его понимала миссис Уллершоу. Например, он любил отпускать язвительные шутки по поводу смертной природы человека и других устоявшихся идей и открыто насмехался над любой формой религии. И все же в этот момент было в его настроении нечто жалкое, даже трагичное, что даже ее сердце, хотя оно и не отличалось мягкостью, заняло, сочувствуя ему.

Эдит прекрасно видела: его холодная, основанная на расчете, система жизни окончательно сломалась, он был крайне несчастен, а если честно, то потерпел полное фиаско. И хотя, как он частенько утверждал, за внешним, видимым миром, частью которого являются наше тело и мозг, ничего нет, это ничто было для него, человека сильного, невыносимо. Над ним одержала победу некая тень, и, по крайней мере, эффект этой тени был очень даже реальным и осязаемым, – то, что некоторые люди называют судьбой, а другие Дланью Господней.

Эта идея тревожила Эдит, она была ей столь же неприятна, как неприятны болезнь и мысль о смерти. Поэтому, следуя своей натуре, она всячески избегала ее, для чего задала первый же вопрос, какой пришел ей в голову.

– Как там сегодня Табита?

Моментально весь пафос, все остатки достоинства, которые в нем были, покинули лорда Дэвена, а его губы скривились в презрительной усмешке.

– Спасибо, эта благородная и возвышенная хаусфрау чувствует себя хорошо. Нанеся свой утренний визит на кухню, она отчитала кухарку за экстравагантность, отчего та, с прискорбием сообщая вам, заявила, что уходит, и теперь хозяйка дома, сидя в домашнем платье, читает священную немецкую книгу о предопределении, из которой она была так добра перевести мне некоторые абзацы, которые, на ее взгляд, непосредственно касались моей бездуховности. Но я пригласил вас, Эдит, вовсе не за тем, чтобы обсуждать мою супругу и ее гротескные взгляды. Как я понимаю, вернулся Руперт Уллершоу?

Эдит кивнула.

– Расскажите мне о нем. Каков он?

– Высокий, сильный, по-своему красивый, если бы не довольно неопрятная стрижка и морщины на лбу, отчего кажется, будто он вот уже десять лет пытается придумать акростих. Выглядит старше своих лет, неуклюж в манерах и не слишком боек на язык.

– Отличный портрет, – одобрительно произнес лорд, – портрет того, что снаружи. А теперь о том, что внутри.

Эдит потеряла лоб, что делала всегда, когда что-то обдумывала.

– А вот это уже трудно, – ответила она, – ибо, как описать то, чего не понимаешь? Но я попытаюсь сделать кое-какие предположения. Мне кажется... мне кажется, он из тех людей, которых вы только что описывали, говоря о сыновьях, если бы те у вас были.

Лорд Дэвен вздрогнул, как будто что-то укололо его.

– Простите меня, – поспешила добавить Эдит, – я хотела сказать, что ему свойственно упорство, сознательность, религиозность и все прочие положительные качества. Нет, вы в это поверите? Прошлой ночью, уже после того, как Руперт отправился спать, он все же спустился вниз в старом плаще и, открыв большую, перевязанную веревкой коробку, достал из нее Библию. Услышав шум, я подумала, что вероятно это захворал кто-то из слуг, и тоже спустилась вниз, чтобы проверить, в чем дело. Так вот, в половине третьего ночи я встретила его на лестнице в этом наряде. Представляю, как странно мы оба, должно быть, смотрелись! Я спросила у него, почему среди ночи ему понадобилось рыться в багаже. На что он совершенно спокойно ответил, что по ошибке положил Библию в сундук, который был в его купе, и поскольку не хотел в столь поздний час беспокоить меня, чтобы попросить одолжить ему Библию, был вынужден спуститься вниз и найти ее среди прочих вещей. С этими словами он показал мне большую, истрепанную книгу, которую, по его словам, он собственноручно вставил в новый

переплет из оленьей кожи. После чего со всей серьезностью добавил, что привык на сон грядущий читать отрывок из Писания – так он выразился. Мол, за все эти годы он ни разу не изменил этой своей привычке и не намерен делать это сейчас. На что я ответила ему, что это то, что называют истинной верой, и мы расстались. Я не стала говорить ему, что ужасно рада, что он не стал стучать мне в дверь и просить одолжить ему Библию, ибо, честное слово, не знаю даже, где бы я ее для него нашла.

Лорд Дэвен от души расхохотался ее рассказу, ибо живое ее описание пробудило в нем чувство юмора.

– Вот кому следовало жениться на Табите, – заметил он. – Как говорится, два сапога – пара. Думаю, они прекрасно бы ужились, как... – он осекся, а потом добавил: – Судя по вашему описанию, весьма странный тип, хотя в молодости я бы не назвал его образцом добродетели. В общем, то ли благодаря Библии, то ли вопреки ей, но мастер Руперт весьма преуспел. Перед ним открыта неплохая карьера, в этом даже не приходится сомневаться, и, по всей вероятности, – тут лорд вздохнул, – прочие вещи, ибо бесконечно без сна не проживешь.

Эдит вновь кивнула, однако ничего не сказала, зная, что за этими словами наверняка последуют другие.

– Скажите, наш «военный святой» часом не женат? – спросил лорд.

– О, нет! Конечно же, нет!

– И не помолвлен?

– Насколько мне известно, тоже нет. Я бы предположила, что он вот уже много лет даже словом не перемолвился с женщиной. Мне кажется, будто он...

– Такой невинный, вы хотите сказать? Что ж, оно даже к лучшему. Мой совет вам, Эдит: выходите за него замуж.

Эдит сделала комичное лицо и ответила:

– Это как-то слишком внезапно. Или как там говорят в таких случаях? Но могу я спросить, почему?

– По двум причинам. Во-первых, потому что это в ваших же собственных интересах, а, во-вторых, что гораздо важнее, – таково мое желание.

– Дайте подумать, – сказала Эдит. – Кем мы с вами приходимся друг другу? Если не ошибаюсь, я ваша троюродная племянница?

– Именно так, но более того, мы друзья, – медленно ответил лорд Дэвен с явным нажимом.

– Что ж, имеет ли право троюродный дядя и друг указывать женщине, за кого ей выходить замуж?

– Безусловно, при известных обстоятельствах. Этот Руперт, возможно, станет моим наследником. Я должен принять этот факт, ибо Табита вряд ли избавится от своих привычек, по крайней мере, так считают доктора. Поэтому мне хотелось бы, чтобы он женился на ком-то, кто мне дорог, тем более, что несмотря на его религиозные благоглупости, он производит впечатление человека, который станет хорошим мужем.

– Но что, если доктора ошибаются насчет Табиты? – спокойно ответила Эдит, ибо не в привычках обоих было ходить вокруг да около.

– В таком случае, вы все равно будете неплохо обеспечены, и, моя дорогая Эдит, позвольте мне заметить, что вы уже отнюдь не желторотый цыпленок, но по какой-то причине почему-то так до сих пор не обзавелись мужем.

– Сомневаюсь, что на жалованье Руперта я смогу жить на широкую ногу, – возразила она, – даже будь он готов делиться им со мной.

– Что ж, может, и нет, но в день вашего бракосочетания я положу на счет ваших попечителей 25 тысяч фунтов, а если что-то случится – когда я, наконец, усну, – то, возможно, даже больше.

– Это весьма щедро с вашей стороны, кузен Джордж, – ответила Эдит, совершенно искренне. – Я не знаю, почему вы поступаете таким образом, тем более, ради меня, вашей троюродной племянницы. И почему именно в день нашего с Рупертом бракосочетания?

– Я уже сказал, что таково мое желание. И вообще, чем он вас не устраивает? Он вам не нравится?

Эдит пожала плечами.

– Я не влюблена. Это не в моих привычках.

Лорд посмотрел ей прямо в глаза.

– Нет, – ответил он, – потому что вы всегда были «влюблены», как вы выражаетесь, в этого мерзавца Дика. И пожалуйста, не спорьте со мной, ибо я знаю. Дик бывает очень даже разговорчив, особенно после ужина.

Эдит не стала с ним спорить, лишь сказала, довольно обиженно и слегка покраснев:

– В таком случае, это худшее, что я о нем слышала, что о многом говорит.

– Верно. Никогда не доверяйте мужчине, который хвастает своими победами. Послушайте, Эдит. Я помогаю Дику лишь потому, что он меня развлекает и от него есть польза. Именно поэтому я и хочу протолкнуть его в Парламент. Нет, конечно, я не могу помешать вам выйти за него замуж, если такая глупость взбредет вам в голову, чего, однако, я не могу представить. Но если это все-таки произойдет, я выставлю Дика за порог, а на счет ваших попечителей не ляжет никаких 25 тысяч фунтов.

– То есть вы ставите мне такие жесткие условия, кузен Джордж?

– Отчего же жесткие? Очень даже щадящие, Эдит. Я, насколько это в моих силах, не позволю вам выйти замуж за это ничтожество без гроша за душой. Ради вас самой, ибо вы мне дороги.

– Я никогда не говорила, что хочу за него замуж.

– Нет, но поскольку из-за него вы отказываетесь выйти замуж за кого-то другого, что по сути одно и то же, по крайней мере, что касается вашего будущего.

Эдит на минуту задумалась и, прежде чем ответить, снова потерла лоб.

– Все это сказано довольно ясно и откровенно, но смею предположить, вы не ждете от меня ответа прямо сейчас. К тому же у Руперта вполне могут иметься свои соображения. Он производит впечатление человека, который никогда не женится из принципа. К тому же пока что вы исходите исключительно из моего рассказа о нем, хотя сами в последний раз видели его еще юношей. Когда же вы его увидите своими глазами, возможно, этот ваш... план... перестанет казаться вам столь желанным.

– Совершенно верно, – согласился лорд. – У вас весьма логичный ум. Приводите его сегодня вечером на обед, и мы вновь поговорим об этом через несколько дней.

Эдит встала, чтобы уйти, но лорд ее остановил.

– Как поживает ваш банковский счет? – спросил он.

– Полагаю, что со всех точек зрения он прекратил свое существование, – хмуро ответила она, ибо это было единственное, что ее по-настоящему заботило.

Лорд Дэвен улыбнулся и, достав из ящика стола чековую книжку, выписал ей чек.

– Возьмите, – сказал он, – это поможет какое-то время держать волка на расстоянии от вашей двери. К тому же, полагаю, вам нужны новые платья.

Эдит посмотрела на чек. В нем значилась сумма в 250 фунтов.

– Вы слишком щедры ко мне, – сказала она. – Может, кто-то вас не любит, но только не я. Я вас обожаю...

– Меня или мои деньги? – уточнил Дэвен, выгибая бровь.

– Разумеется, вас, – ответила Эдит, и, поцеловав его, направилась к двери.

– Если не ошибаюсь, – задумчиво произнес лорд Дэвен самому себе, как только дверь за ней закрылась, – впервые за более чем два десятка лет кто-то сказал, что любит меня, причем,

совершенно искренне. Она непременно должна выйти замуж за Руперта. Это самый большой шанс ее жизни. И разве не имеет она такое же право на все эти богатства и титулы, как и этот набожный медведь?

Глава V. Званный ужин

Вернувшись домой, Эдит застала Руперта за тем занятием, коим он был занят все утро: распаковкой багажа. Он только что установил обе стелы, которые, объясняю для непосвященных, были погребальными плитами, где древние египтяне записывали события своей жизни или же, иногда, молитвы. Стелы были массивными, в чем Эдит имела возможность убедиться накануне вечером, и лучше всего соответствовали своему первоначальному назначению в гробнице. В крошечной же лондонской гостиной они смотрелись явно не к месту, установленные одна на пианино, а вторая – на верхнюю полку чиппендейловского книжного шкафа.

– Согласись, мама, что они смотрятся прекрасно! – воскликнул Руперт.

– О, да, мой дорогой, – с сомнением в голосе ответила миссис Уллершоу, – правда, на мой взгляд, они тяжеловаты и изрядно попорчены временем.

– Попорчены временем! Пожалуй, ты права, – ответил он. – Одной из них четыре, а второй три тысячи лет, но та, что поновее – нет, не та, где бок о бок сидят муж и жена, а другая – более ценная. Она из Тель-эль-Амарны – как тебе, надеюсь известно, этот город построил фараон-вероотступник Эхнатон – и была установлена в гробнице одной из принцесс. Посмотри на ее портрет на верху плиты, над которым изображен шар солнца. Его лучи оканчиваются руками, которые протянуты над ней в жесте благословения. Если хочешь, я для тебя переведу надпись.

В этот момент раздался зловеющий треск, а затем незаметно вошедшая в комнату Эдит, мягко произнесла:

– На вашем месте, Руперт, я бы поставила ее сначала на пол. Потому что... Ой! Я так и знала!

Не успела она договорить, как несчастная верхняя полка книжного шкафа треснула и сломалась, и погребальная стела с грохотом рухнула на пол.

Обьятый ужасом, Руперт подскочил к ней и, словно игрушку, поднял в своих сильных руках.

– Слава богу! – воскликнул он. – Она цела!

– Верно, – заметила Эдит, – в отличие от книжного шкафа.

Руперт взялся искать для своего сокровища новое место; на сей раз он внял материнскому совету и поставил стелу на пол. Впрочем, еще оставался Осирис, по-настоящему прекрасная бронзовая фигура примерно в два с половиной фута в высоту, для которой нигде не находилось места.

– Я знаю, – заявил Руперт и, взвалив древнего бога на плечо, зашагал вниз, на первый этаж.

– Как вы думаете, кухня Мэри, – спросила Эдит, проводив взглядом его самого и памятник далекого прошлого, – Руперта можно будет уговорить переместить эти два ужасных могильных камня куда-то еще?

Миссис Уллершоу покачала головой.

– Нет, даже не заводите такой разговор, дорогая. Руперт давно мечтал привезти их домой. По его словам, он долгие годы представлял себе, как прекрасно они будут смотреться в этой комнате. В любом случае, если он их и переместит, то только в столовую.

– В таком случае, пусть уж лучше остаются здесь, – решительно заявила Эдит. – Лично мне не хотелось бы ужинать, глядя на могильные плиты. Надеюсь, он не привез также и мумию.

– Похоже, он хотел ее привезти, но, насколько мне известно, был вынужден оставить, потому что ее отказались грузить на корабль, пока он не заплатит за нее, как он выразился, по «тарифу покойника».

– Всегда найдется нечто такое, за что мы должны быть благодарны, – заметила Эдит, снимая с голову шляпку.

Увы, спустившись вниз к ленчу, она обнаружила огромного бронзового Осириса на серванте в окружении тарелок и блюд. Ее чувство благодарности мгновенно поубавилось, но поскольку Руперт был в полном восторге, воздержалась от комментариев.

Пока они ели, Руперту принесли записку. При виде хорошо знакомого почерка, он тотчас нахмурил и без того изборожденный морщинами лоб.

– От кого она, дорогой? – поинтересовалась миссис Уллершоу, когда он прочел текст.

– От лорда Дэвена, – резко ответил Руперт. – Он хочет, чтобы Эдит и я отужинали с ним сегодня вечером. Он якобы даже пригласил заместителя военного министра, лорда Саутвика, чтобы тот познакомился со мной. Разумеется, я никуда не пойду, ибо мне тогда придется оставить тебя одну в первый же вечер после моего возвращения! Я напишу ему и так и скажу.

– Дай, я сначала взгляну на записку. Эдит, дорогая, прочти мне ее, я забыла надеть очки.

И Эдит прочла:

«Дорогой Руперт, с возвращением домой и, мой дорогой друг, прими сотню поздравлений! Ты отслужил достойно. Я со всех сторон только и слышу похвальные отзывы в твой адрес и потому несказанно горд за тебя. Но я хочу сказать тебе это лично. Приезжайте с Эдит ко мне на ужин в восемь часов. Я только что встретил в клубе Саутвика, заместителя военного министра. Ему хотелось бы побеседовать с тобой в приватной обстановке, прежде чем ты доложишь о своем прибытии официально. Он даже перенес какую-то другую встречу, чтобы познакомиться с тобой. Я взял на себя смелость сказать ему, что он может спокойно это сделать, так как был уверен, что у тебя пока нет никаких других планов. Твой любящий кузен Дэвен».

– По-моему, ты непременно должен туда поехать, – сказала мать.

– Но у меня нет ни малейшего желания, – энергично возразил Руперт. – Ненавижу все эти званые обеды и ужины.

– Дорогой, рано или поздно тебе все равно придется это сделать. Так почему бы не сейчас? К тому же Эдит наверняка расстроится.

– Еще как! – поддакнула та. – Хотелось бы познакомиться с лордом Саутвиком. Говорят, это самый большой зануда во всем Лондоне. В своем роде, он тоже достопримечательность.

И Руперт уступил. Передав лакею свое устное согласие, остаток ленча он просидел такой же молчаливый, как и бронзовый Осирис на серванте.

Для такого человека, как Руперт, званый ужин был воистину тяжким испытанием. Время было бессильно смягчить яркое воспоминание об ужасе прошлого, о котором он до сих пор ежедневно скорбел в самом искреннем раскаянии. С дрожью в сердце он вспомнил его последнюю кошмарную главу. Его не оставляло ощущение, будто книга с некой новой трагедией, в которой ему уготована роль, вот-вот раскроется в роковом обществе лорда Дэвена. Больше всего на свете ему хотелось вновь оказаться в обществе Бахиты или даже шейха Пресных Колодцев, в Судане, или другом пустынном месте, главное, чтобы оно было как можно дальше от Мейфэра. Он даже пожалел о том, что вернулся домой, но как он мог отказать мольбам матери? Увы, избежать встречи с лордом невозможно, значит, придется терпеть, и Руперт, стиснув зубы, приготовился пережить неизбежное.

«Боже мой, что за человек! – подумала про себя Эдит, глядя на его суровое лицо, когда в тот вечер он помогал ей сесть в кэб. – Можно подумать, он едет не на званый ужин, а на казнь».

Дверь – Руперт даже поблагодарил судьбу за то, что это была другая дверь – открылась, и от его благодарности мгновенно не осталось и следа, ибо за спиной у лакея стоял тот самый

сухопарый, хмурый человек, что когда-то сообщил ему про смерть Клары. Он несколько не изменился. Руперт узнал бы его с расстояния в сотню ярдов. Более того, подобострастная улыбка, которой дворецкий приветствовал его, выглядела так, будто увидев его, дворецкий тотчас же кое-что вспомнил. Что, если этот человек?... При этой мысли на спине Руперта выступил холодный пот.

Эдит куда-то испарилась, чтобы снять плащ, и он был вынужден ее ждать, одиноко стоя наедине с темным, улыбающимся демоном.

– Рад вас видеть живым и здоровым, полковник, – сказал тот, принимая его пальто.

– Как жаль, что не могу сказать в ответ то же самое, – машинально буркнул Руперт.

Дворецкий на минуту задумался, ибо загадочный смысл этих слов его озадачил, однако поняв их на свой лад, продолжал:

– А! Похоже, сэр, вы ощутили перемены... в этом доме, я имею в виду. – И он с опаской оглянулся по сторонам, сначала через плечо, а затем на напудренного лакея рядом с дверью. – Я уверен, сэр, что вы меня не выдадите, если я скажу, что мы все их чувствуем. Ее вторая милость, супруга лорда, сэр, совершенно не то, что первая, – сказал лакей и с искренним сожалением вздохнул, ибо большинство слуг в доме действительно любили бедную Клару: та всегда пыталась защитить их от господского гнева и была щедра. – Ее нынешняя милость, сэр, только и знает, что проповедует и наставляет, требует, чтобы мы читали религиозные книжки, – добавил он с особой горечью в голосе. – А ведь как мы любили ее первую милость! – он перешел почти на шепот. – Ничуть не меньше, чем вы, сэр.

В этот момент к великому облегчению Руперта – ибо голова его от этих жутких признаний уже шла кругом – двойные двери широко распахнулись, и в них шагнул прямой и тощий человек с моноклем, как понял Руперт, лорд Саутвик собственной персоной. Дворецкий, за дьявольской внешностью которого скрывалось прекрасное сердце и который был искренне рад видеть Руперта, пусть даже лишь по той причине, что того любила его покойная хозяйка, был вынужден тотчас шагнуть к нему и принять его пальто. Одновременно с этим вернулась Эдит, в черном с серебром платье, и, сверкая улыбкой, сказала:

– Итак, Руперт, я готова.

– Уверен, что и я тоже, – ответил он.

– О, только не надо меня упрекать, я ведь не слишком долго, – произнесла она и пристально посмотрела на его голову.

– С моими волосами что-то не так? – спросил он, внезапно вспомнив о них.

– Не знаю, пока вы не снимите шляпу, – мягко ответила она, а про себя задалась вопросом, как давно ее знаменитый кузен в последний раз был на званом ужине.

Руперт тотчас же сорвал с головы шляпу и сунул ее в руки одному из швейцаров. Тот нехотя ее принял, ибо принимать шляпы не входило в его обязанности. Затем, сопровождаемые другими лакеями, которые сменяли друг друга, мисс Бонниторн и полковник Уллершоу, наконец, услышали, как у входа в огромную гостиную чей-то трубный глас объявил об их прибытии.

В дальнем конце гостиной, опершись на каминную полку, ибо вечер был довольно зябкий и в очаге пылал огонь – стояли двое мужчин. На некотором расстоянии от них, с невозмутимым видом глядя прямо перед собой, на софе в стиле ампира сидела женщина приятной наружности, хотя и довольно дородная. Не отягощенная никакими украшениями, с косами, венком уложенными вокруг головы, она сидела, сложив руки на простом черном платье.

На какой-то миг Руперт узнал мужчин чисто автоматически; его внимание было приковано к великолепной каминной полке, которую он отлично помнил и рядом с которой ему примерещился призрак Клары, ибо та имела обыкновение стоять рядом с ней. Да-да, это была та самая каминная полка из ее будуара, которая по причине ее ценности была перевезена сюда из старого дома. Он никак не мог ошибиться, глядя на статуэтки, которые поддерживали полочку

над ней. Его взор затуманился, однако тотчас прояснился, стоило ему увидеть, как к ним, протянув для рукопожатия руку, направляется лорд Дэвен, а подойдя ближе, с искренней симпатией кивнул Эдит.

«Тот же самый человек, – подумал Руперт, – только более седой, да и походка уже не такая твердая». Затем, перед лицом врага – ибо в его глазах лорд Дэвен оставался таковым – к терзаемому угрызениями совести Руперту вернулось мужество, и он решил сыграть свою роль как можно лучше.

Направляясь в их сторону, лорд Дэвен думал следующее: «Эдит, молодчина, отлично его описала – медведь, но праведный, правильный медведь, который на всю жизнь извлек для себя урок». Но вслух произнес, как будто от всей души, другое, хотя никакое притворное гостеприимство не могло полностью заглушить металлические нотки этого столь хорошо знакомого Руперту голоса:

– А, вот и ты, минута в минуту, как и положено солдату! Добро пожаловать, мой дорогой Руперт. Я искренне рад, что ты вернулся живым и здоровым, и не просто вернулся, а с грузом разного рода наград и почестей, – взяв в свою сухую руку крупную, загорелую ладонь Руперта, он энергично ее пожал и добавил: – Да ты стал великан во всех смыслах этого слова! Теперь тебя никакая лошадь не выдержит!

– Спасибо, – просто ответил Руперт, после чего, решив, что для него проще всего продолжить тему своей внешности, добавил: – Боюсь, что жизнь в Египте располагает к полноте. Слишком жарко, слишком мало движения. А как поживаете вы? – спросил он и тут же осекся, ибо к нему обратился другой голос, так же хорошо ему знакомый.

Обернувшись, он увидел своего кузена Дика. Несомненно, Руперт с первого взгляда заметил, – ибо наблюдательность была у него в крови, – что Дик настоящий красавец. И хотя темные, томные глаза его смотрели слегка устало, а лицо утратило свою былую свежесть, все же и оно, и вся его ладная фигура, были приятны взору, по крайней мере, взору женщин.

– Как поживаешь, герой ста сражений? – поинтересовался Дик довольно саркастическим тоном, который неизменно раздражал его кузена в юности. Впрочем, и сегодня тоже.

– Отлично. Спасибо, Дик, – ответил Руперт. – Но я никакой не герой и не участвовал в ста сражениях.

– Ну, почти в ста, – сказал Дик, слегка устало пожимая ему руку. – Человек – то, что о нем думают другие, факты же никому не интересны. Мы уже много лет называем тебя нашим семейным героем, а поскольку других героев в нашей семье нет, то мы имеем полное право гордиться тобой.

– Прошу тебя, прекрати называть меня так, мой дорогой друг, ибо мне это не нравится. Я всего лишь обыкновенный офицер египетской армии.

– Великим свойственна скромность, – ответил Дик. – Кстати, – он устремил взгляд на довольно поношенный парадный мундир своего кузена. – Я надеялся, что ты явишься увешанный наградами. Тебя непременно следует пригласить на официальный обед, чтобы ты был вынужден их надеть.

– Прекрати говорить ерунду, Дик, – резко оборвала его Эдит, заметив, что Руперт начинает сердиться. Не хватило еще, чтобы язвительные замечания кузена вылились в громкую ссору. – К вам уже пожаловал лорд Саутвик и другие гости. Давай, Руперт, я представлю тебя леди Дэвен.

И Руперт был представлен ее милости. Новая супруга лорда Дэвена, стряхнув с себя задумчивость, протянула ему пухлую руку и, посмотрев ему в лицо своими фарфоровыми голубыми глазами, сказала с сильным немецким акцентом:

– А, так вы и есть тот самый полковник Уллершоу, о котором я слышала! Солдат, что храбро сражался за Англию! Весьма рада познакомиться с вами! Я люблю солдат. Мой отец был солдат, но французы убили его в битве при Гравелоте. Так что я очень рада вас видеть!

Почувствовав, что эта женщина не кривит душой, Руперт отвесил ей поклон. Ее слова приветствия были искренними и шли из глубины сердца. С самой первой минуты он ощутил расположение к этой немецкой пэрессе, – честной, правдивой, верной своим убеждениям. Но тут лорд Дэвен подвел к ним лорда Саутвика и представил сначала Руперту, затем своей супруге. Затем хозяин дома был вынужден уделить внимание другим гостям, и, прежде чем их пригласили к столу, Руперт сумел отойти в сторонку и углубиться в изучение картин на стенах.

К его великому восторгу его дамой за столом оказалась Эдит.

– Я так рад, – застенчиво признался он, когда они вместе спустились по широкой лестнице. – Я даже не надеялся на такую удачу.

Она невинно посмотрела на него и сказала:

– Это какую же?

– Что я буду сидеть рядом с вами, а не с кем-то из посторонних людей.

– Мне приятно слышать от вас такие слова, Руперт, и я это ценю, – ответила она с улыбкой.

– Да, – раздался за их спиной голос Дика, – но, приятель, советую тебе отпускать комплименты шепотом. На лондонских лестницах прекрасная слышимость, – и он, и его партнерша, хорошенькая и пикантная наследница, весело рассмеялись.

– Не обращайтесь внимания на колкости Дика, – сказала Эдит, когда они вошли в столовую. – Это просто у него такая привычка.

– Которая никогда мне не нравилась, – проворчал Руперт.

Как не нравилась она, если честно, и самой Эдит. Ей было прекрасно известно, что Дик готов взорваться от ревности, и она опасалась, как бы он не зашел слишком далеко и не заявил этого вслух.

За обедом леди Дэвен, сидевшая во главе стола, оказалась по правую руку от Руперта. Напротив него сидел лорд Саутвик, который, разумеется, взял на себя заботы о ней. Рядом с лордом расположилась хорошенькая наследница, а по другую ее сторону Дик, отчего тот оказался почти напротив Эдит. Остальные гости нам просто неинтересны.

Званный ужин прошел, как и все остальные званые ужины в больших домах. Выпив шампанского, Дик принялся беззастенчиво флиртовать с хорошенькой наследницей, которая, похоже, не имела ничего против и отвечала ему тем же. Эдит понимала: он это делает нарочно, чтобы вызвать в ней ревность или хотя бы немного позлить. Леди Дэвен с сильным немецким акцентом вела с лордом Саутвиком разговоры о кулинарии. Было видно, что тема эта ему совершенно не интересна. Эдит же заставила Руперта рассказывать ей про Судан и военные операции, в которых он там участвовал. Эта тема его прекрасно устраивала, и лорд Дэвен, наблюдая за ними с дальнего конца стола, вскоре сделал вывод, что Руперт ведет свой рассказ в манере, которая импонирует ее уму, ибо Эдит слушала его довольно внимательно.

Хотя Руперт этого не знал, лорд Саутвик тоже слушал его, а исчерпав тему *закусок*, стала слушать также и леди Дэвен.

– Что вы сказали, полковник, о преимуществах маршрута Суакин-Бербер? – поинтересовался лорд Саутвик, глядя на него в монокль.

Руперт повторил свои соображения.

– Хм, – отозвался лорд. – Вулсли был иного мнения.

– Я ни в коем случае не хочу оспаривать мнение лорда Вулсли, милорд, – ответил Руперт. – Это лишь мое личное мнение, которое я озвучил для мисс Бонниторн.

– И весьма разумное, на мой взгляд, – заметил заместитель военного министра в свойственной ему четкой, официальной манере. – Более того, события доказали его правоту. Скажу больше, полковник Уллершоу, ваше мнение заслуживает уважения. Я это точно знаю, ибо услышав, что встречусь с вами на ужине, я ознакомился с вашим личным делом в министерстве и даже прочел приватный меморандум, который, как я надеюсь, вы помните, вы составили

для ваших вышестоящих офицеров, хотя, возможно, даже не догадывались о том, что потом он был направлен мне.

Руперт, покраснев, пробормотал, что не слышал об этом.

– Жаль, что к вашему мнению не прислушались, – продолжал лорд Саутвик, – и этим все сказано. Кстати, хотя, возможно, это довольно болезненный для вас вопрос, но вы в курсе, полковник, что однажды вас хотели представить к кресту Виктории? После сражения при Тамаи, в котором вы получили ранение.

Лишившись дара речи, Руперт лишь покачал головой.

– Да-да, именно так. Более того, – продолжал лорд Саутвик с лукавым блеском в глазах. – Вы бы наверняка его получили, не начинайся ваше имя с буквы «У». Видите ли, лица, рекомендованные к одной той же награде или званию, обычно перечисляются в реестре в алфавитном порядке а поскольку количество крестов ограничено, тот, чье имя начиналось на «Т» его получил, а вы – нет. Хочу добавить, что это не моя система, но поскольку человек, ответственный за награждение, уже мертв и с тех пор утекло много воды, я счел возможными рассказать вам эту историю.

– Я весьма рад, – пробормотал Руперт. – Но я не сделал ничего такого, чтобы заслужить эту награду.

Надо сказать, что сей благородный заместитель военного министра, а он был чиновником всю свою жизнь, ибо унаследовал звание пэра лишь по чистой случайности – внешне похожий на шомпол и, как говорили, страшный зануда, – обладал добрым сердцем, умел ценить чужие заслуги и был наделен чувством справедливости. Возможно именно эти качества, или хотя бы одно из них, заставили его сказать следующее:

– Вам это лучше знать, и если это так, значит, алфавитный принцип работает лучше, чем я о нем думал. А теперь выскажите мне свое мнение, и вы, леди Дэвен, вот по какому случаю. Некий офицер выставил на площади заграждение. Площадь подверглась нападению, заграждение было отрезано. Результат нападения был неясен. Враг захватил лишь кусты вокруг площади. Офицер, который выставил заграждение, был довольно глубоко ранен в плечо копьем...

– Прошу вас... – перебил его Руперт, но лорд Саутвик невозмутимо продолжил:

– Ночью на площадь вылез раненый солдат и рассказал, что чудом остался жив, хотя остальные его товарищи были убиты, он же прокрался сквозь вражеские позиции. Он также сказал, что сержант, получивший ранение в ногу, лежит в кустах в шестистах ярдах отсюда, и арабы, занявшие донгу между лагерем и этими кустами, пока его не обнаружили. Поскольку посылать спасательный отряд не имело смысла, раненый офицер надевает на себя джиббу и турбан мертвого араба и в таком обличье проходит через донгу, находит раненого товарища и каким-то чудом ведет – вернее, несет, – его в лагерь, причем последние несколько сот ярдов под сильным ружейным огнем, как со стороны арабов, так и своих собственных часовых. А теперь скажите мне: заслужил такой офицер крест Виктории?

– *Ach! Mein Gott*⁶, думаю, что да, – ответила флегматичная леди Дэвен с убежденностью, совершенно не свойственной ее натуре, по крайней мере, как о ней думали окружающие. – Как же звали этого храбреца? Хотелось бы знать его имя.

– Не помню, – ответил лорд Саутвик с каменной усмешкой. – Спросите полковника Уллершоу. Он наверняка помнит этот случай.

– Кто это был, Руперт? – спросила Эдит, и весь длинный стол притих в ожидании ответа.

И тогда ведущий учет его грехов ангел был вынужден добавить к списку прегрешений Руперта еще одно, ибо тот солгал, даже не покраснев.

– Не знаю. Я не уверен. Первый раз об этом слышу, но даже если этот случай и имел место, мне кажется, он сильно преувеличен.

---

⁶ Ах, Боже мой! (нем.)

За столом прокатился смешок, гости заулыбались, заместитель военного министра лукаво усмехнулся и сменил тему разговора.

Целых три минуты леди Дэвен пребывала в глубоком раздумье. Затем, когда ее супруг стал рассказывать какую-то историю про охоту на куропаток в шотландском болоте, с которой он недавно вернулся, она внезапно ударила тяжелой ладонью по столу и громко воскликнула:

– *Himmel!*⁷ Теперь мне понятно. Лорд Саутвик изволил пошутить. Этот человек – *вы*, полковник Уллершоу.

Гости разразились хохотом, Руперт же был готов провалиться от стыда сквозь землю.

* * *

Наконец ужин завершился, и лорд Дэвен вышел в холл попрощаться с гостями.

– Итак, – спросила Эдит, когда он помогал ей надеть плащ, – вы его видели. И что вы скажете теперь?

– Превосходно! – воскликнул Дэвен. – Вы должны покорить эту трудную высоту. Должны выйти за него замуж. Если, конечно, сможете, в чем я сильно сомневаюсь.

– Неужели? – удивилась Эдит. – Я же намерена попробовать, спора ради. Доброй вам ночи.

– Разве я не говорил тебе, что он герой, – усмехнулся Дик, провожая ее к кэбу. – Бедняжка Эдит. Мне искренне тебя жаль. Чтобы находиться рядом с таким воином, нужно иметь немалое мужество.

– Пожалуй, ты прав, – согласилась она. – Риск и вправду велик.

Тем временем лорд Саутвик взял Руперта в оборот у входной двери.

– Жду вас, Уллершоу, в военном министерстве, где я хотел бы представить вас статс-секретарю, – произнес он. – Завтра в половине первого вас устроит?

Понимая, что это приказ, Руперт ответил:

– Разумеется, милорд, я там буду.

---

⁷ О, небо! (нем.)

Глава VI. Руперт влюбился

На следующее утро Руперт посетил военное министерство, где лорд Саутвик действительно представил его статс-секретарю. Разговор с министром был недолгим – не более трех минут. Тем не менее, даже такой на редкость скромный человек, как Руперт, тотчас понял по его тону, что здесь к нему отнеслись благосклонно. Более того, сей высокопоставленный джентльмен не только поздравил Руперта с его былыми заслугами, о которых он был явно хорошо информирован, но и намекнул на блестящее будущее. Статс-секретарь поинтересовался, долго ли он намерен пробывать в отпуске, и когда Руперт ответил, что полгода, с улыбкой заметил, что это слишком долгое безделье для настоящего солдата, и добавил:

– Если мы захотим отправить вас куда-то до истечения этого срока, вы готовы уехать?

– Разумеется, – ответил Руперт с воодушевлением, ибо уже был почти сыт по горло Лондоном. На какой-то миг он даже забыл про мать, забыл про то, что возвращение в строй означает разлуку с Эдит, чье общество доставляло ему немалое удовольствие.

– Отлично, полковник Уллершоу, – ответил статс-секретарь. – Саутвик, надеюсь, вы это запомнили. В Египте и Судане вечно что-то происходит, не одно, так другое, и полковник Уллершоу, возможно, и есть тот, кто положит этому конец. – С этими словами статс-секретарь протянул руку, давая понять, что беседа закончена.

– Я уверен, что вы произвели отличное впечатление, – сказал Руперту лорд Саутвик, когда они вышли в вестибюль. – Но позволю себе дать вам один совет. Наш начальник довольно непредсказуем в своих поступках и ожидает точно такую же быстроту, коей он горд, и от других. Если у него для вас поручение, а так, похоже, и есть, не раздумывайте и не просите время, чтобы все хорошенько взвесить, но тотчас же с ним во всем соглашайтесь. Так для вас будет лучше в будущем, ибо, если вы откажетесь, второй такой оказии возможно уже не будет.

Поблагодарив его за совет, Руперт покинул стены министерства, размышляя на ходу, что вряд ли он услышит об этом снова, тем более что в Египте была масса достойных офицеров, способных с честью выполнить любую задачу, если в том возникнет необходимость. Он совершенно позабыл о том, что его уже считали преуспевшим в жизни; более того, что на данный момент он был и, вероятно, останется в обозримом будущем наследником пэрского титула – короче говоря, тем, кого любит нанимать власть, ибо имеющему будет дано еще⁸.

Вскоре Руперт обнаружил, что такое отношение к его персоне, похоже, является правилом. В некотором смысле он превратился в светского льва. В дополнение к другим преимуществам, рассказ лорда Саутвика про крест Виктории, который был положен Руперту за его героизм, пошел гулять по лондонским гостиным, обрастая при этом дополнительными подробностями, и просто не мог не вызывать любопытства, особенно у женщин. Когда народ снова съехался в город, Руперт начал получать приглашения на публичные обеды, на которые, как и предсказывал Дик, он был вынужден надевать свои награды. Первые два или три даже доставили ему удовольствие, но затем был один, когда, к его великому ужасу, ввиду неожиданного отсутствия одного знаменитого генерала, он внезапно был вынужден выступать с благодарственной речью от имени армии. В принципе, он весьма недурственно справился с этой задачей, подтверждением чему служили одобрительные возгласы не слишком критичной аудитории, однако убежденный в том, что ударил лицом в грязь, вернулся домой в подавленном настроении.

– В чем дело? – спросила мать, увидев его хмурое лицо, когда он вошел в их крошечную гостиную, которую, будучи в форме и при наградах, он, казалось, занимал полностью.

– И почему вы вернулись так рано? – добавила Эдит.

⁸ «Всякому имеющему дастся и приумножится» (Матф. 25:29).

– Я ушел, не дожидаясь конца, – мрачно ответил он. – Меня заставили держать речь, и я выставил себя круглым дураком.

Зная Руперта, обе женщины не стали серьезно воспринимать его слова, хотя Эдит, прочтя на следующее утро сообщения в газетах и также наведя кое-какие справки, вздохнула с облегчением, узнав, что на самом деле все прошло не так уж и плохо.

Тем не менее после этого случая Руперт наотрез отказался посещать банкеты, боясь, что в очередной раз начнут превозносить его, хотя ему претило слышать эти ужасные, полные неточностей похвалы в свой адрес, но, что еще страшнее, что его вновь попросят встать и высказаться ни о чем.

Впрочем, он получал немало частных приглашений, а Эдит зорко следила за тем, чтобы он их принимал, хотя, если честно, ей не слишком нравилось, когда к нему проявляли интерес различные молодые леди, не имеющие официальных женихов. При этом, несмотря на строгий указ ее кузена Дэвена, Эдит пока еще не решила для себя, выходить ей замуж на Руперта или нет. Она постоянно размышляла об этом, чем дело и ограничивалось, но при этом дала себе слово, что не допустит, чтобы он женился на ком-то еще. В общем, она его ревновала, но не из любви, а из страха, что ее кто-то может опередить.

Сама она никакой любви к Руперту не испытывала. Более того, чуралась его, большого, сурового мужчину, а его внутреннее «я» и вовсе было для нее загадкой. Он вел с ней беседы на темы египтологии, военного искусства, и другие темы, в том числе иногда и религиозные, кои наводили на нее смертельную скуку. Он был основателем и имел на многие вещи глубокие, серьезные воззрения, причем, основателем до той степени, что порой бывал резок с окружающими, например, упрекал Эдит в том, что та зря тратит время на пустую светскую болтовню. В общем, у них не было ничего общего – их натуры были настолько разными, как не похожи друг на друга журчащий ручей и черный, твердый камень, через который он бежит. Руперт же всегда помнил о том, что любой день пройдет, и за него придется держать ответ; что главные принципы жизни – это долг и самоотречение ради всеобщего блага как высшей ценности человечества.

Разумеется, пока Эдит удавалось прятать от его довольно невинных глаз эти вопиющие различия, хотя время от времени он и сам задавался вопросом, а не мелка ли, не поверхностна ли ее натура.

Она слушала его рассуждения о фараонах, она молча терпела, когда он рисовал ей планы сражений, на которые она обычно смотрела сверху вниз, она даже проявила интерес к его внушающим тревогу взглядам на человеческий долг и его убежденность в том, что искупление может быть заработано лишь путем самопожертвования. Увы, все это стоило Эдит невероятных усилий, и хотя ей хватало ума не показывать этого в его присутствии, или даже в присутствии его матери, как только он выходил за дверь, она поднималась и от радости, что наконец-то осталась одна, кружилась в танце по комнате. Она даже не возражала, когда Дик, улучив минутку с ней наедине, устраивал ей сцены ревности, ибо ей было приятно иметь рядом с собой родственную душу. Впрочем, ей хватило мудрости не позволять ему ничего больше, чтобы не запятнать себя.

«О! – снова и снова размышляла про себя Эдит. – Если таково зеленое дерево, то что будет с ним, когда оно засохнет?»

Если Руперт был настолько невыносим как кавалер, то что будет, когда он возложит на себя «супружеский долг и обязанности», как он наверняка выразится, в коих ей придется ежедневно играть весьма важную роль?

Пока же ее задача состояла в том, чтобы влюбить его в себя – убедить его, что она само очарование и без нее он не мыслит существования. Надо сказать, что она весьма в этом преуспела. Постепенно Руперт по уши влюбился в нее, пока, наконец, в один прекрасный день,

словно внезапная вспышка озарения, до него не дошло, что хотя он и не достоин такого неземного совершенства, это не мешает ему рискнуть и попробовать сделать ее своей женой.

В конце концов, он тоже был человек, к тому, же давно осознавший тот факт, что хотя для душевного здоровья ему больше подходит одиночество, мужчине жить одному нехорошо. За исключением печального опыта ранней юности, он всю свою жизнь избегал женщин, – не потому что он их не любил, не потому, что был женоненавистником, а потому, что считал это правильным. И вот теперь, по зрелому размышлению, он подумал, а не жениться ли ему, как это делают другие мужчины, быть счастливым мужем, оставить после себя потомство, – надо сказать, что детей он любил, – как и другие мужчины? Какая замечательная мысль! А если учесть, что Эдит была с ним рядом, она прочно засела у него в голове. От его внимания ускользнуло даже то, что вообще-то мысль эту ему подбросила Эдит – нет, не словами, конечно, но тысячью разных ужимок и взглядов.

Он взялся со всей серьезностью за ней ухаживать, был страшно с ней обходителен и угодлив. Стоило кому-то в ее присутствии произнести двусмысленное слово, как он тотчас краснел. Когда же другие мужчины смотрели на нее с восхищением, – а такое случалось часто, – то приходил в ярость.

Он также делал ей подарки. Первым был огромный синий скарабей, вставленный в золотую оправу. По его признанию, он собственноручно снял его с груди некоего мертвого тела, где тот мирно покоился три тысячи лет. Скарабей был Эдит омерзителен, как по причине ассоциаций, которые он вызывал, так и потому, что не подходил ни к одному из ее платьев; и наконец, потому, что как бы намекал, что день принятия решения – близок.

И все же время от времени она была вынуждена его носить, пока однажды, как бы случайно, не уронила на тротуар, где тот разбился на мелкие осколки. Эти осколки она показала Руперту, как тому показалось, со слезами на глазах. Он утешал ее, хотя в душе сильно переживал, потому что скарабей был и впрямь хорош. Впрочем, на следующей неделе он подарил ей другого, еще больших размеров!

Таковы были смешные моменты сложившейся ситуации. Трагические, причем по-настоящему, были еще впереди.

Произошло все следующим образом: лорд Дэвен, как ради смены обстановки, так и потому, что ненавидел Рождество и все с ним связанное, уехал из Лондона, как то водилось за ним в это время года, чтобы провести месяц в Неаполе. После его отъезда леди Дэвен, как водилось за ней, отбыла в их поместье в Суссексе. Надо сказать, что хотя владения были и не очень обширными, ибо большая их часть состояла из пары акров земли и построек в Шордиче, угольной шахты и старой пивоварни, просторный дом Дэвенов был великолепен. Жить там одной было тяжелым испытанием даже для флегматичной леди Дэвен, поэтому она просила разных людей, более-менее близких ей взглядов, составить ей компанию. Особенно она настаивала на том, чтобы к ней туда приехали Руперт и его мать, ибо она симпатизировала им обоим, и прежде всего, Руперту. По этой причине ей также пришлось пригласить Эдит, которая ей совершенно не нравилась. Что касается Дика Лермера, тот будет присутствовать там без всякого приглашения в качестве секретаря и мальчика на побегушках.

Руперт поначалу хотел отказаться, хотя охота была великолепна, а он любил пострелять. Даже когда Эдит сказала, что он должен поехать, – ибо в душе она жаждала, чтобы кто-то избавил ее от общества Дика, несмотря на всю его любовь к ней, – Руперт все равно медлил с ответом. Тогда она заметила, что с его стороны довольно жестоко лишать мать возможности развеяться за городом, потому что если он останется в Лондоне, то останется и она. Поэтому, в конце концов, он сдался, поскольку обстоятельства оказались сильнее, хотя и был страшно сердит, что вынужден принять это приглашение. Даже если лорд Дэвен будет отсутствовать, то демонического вида дворецкий, пусть даже дружески настроенный, и множество болезненных

воспоминаний никуда не денутся. Давным-давно, когда ему было девятнадцать, Руперт провел Рождество в Дэвене!

Был канун Нового года. Этот день, солнечный и морозный, был посвящен охоте на фазанов в местных лесах, которыми поросли гребни холмов, разделенные небольшими долинами. До этого дня охотники не произвели здесь ни единого выстрела, так что охота удалась. Дамы, которые оставались в доме, в том числе и Эдит, после ленча вышли посмотреть, как идет охота, и в частности, ее завершающий этап, ставший главным событием дня, ибо занял около часа. Если стрелки были хороши, обычно им удавалось подстрелить от трехсот до четырехсот фазанов. Леса здесь доходили до точки, за которой начиналась равнина. Стрелки располагались близко друг к другу на дальней стороне этой равнины в овраге, который вел к лесным зарослям под названием «Дебри». Если бы охотники стояли на его дне, фазаны пролетели бы над их головами вне досягаемости пуль. А так птицы дружно устремились в овраг, направляясь в «Дебри», что в четверти мили отсюда, хотя по-прежнему летели довольно высоко. В это время года только очень меткий стрелок мог сбить одного из трех фазанов, которые летели так смело.

Место Руперта было в центре оврага, где расстояние до птиц было самым большим. Чуть выше его и примерно в двадцати пяти ярдах правее, стоял Дик Лермер, который, конечно же, организовал эту охоту. Выражаясь языком охотников, он был большой «артист» по птицам, если тех гнали на него. Зато отнюдь не так хорош, если к ним нужно было подбираться. В таких случаях он легко уставал и утрачивал меткость. Он нарочно поставил Руперта в самое неудобное место, на всеобщее обозрение у всех остальных стрелков – обычно оно отводилось самому меткому из них, потому что был уверен, что, не имея опыта такой охоты, Руперт выставит себя на посмешище, тем более что у него было лишь одно-единственное ружье, которое наверняка сильно нагреется.

Так случилось, однако, что молодой человек, который нес патроны Руперта, зная это, одолжил ему для левой руки толстую перчатку из собачьего меха и даже рискнул дать ему пару дельных советов: например, бить только петухов, ибо они более заметны, да и то, если летят прямо на него. Руперт поблагодарил юношу и поболтал с Эдит, которая не отходила от него ни на шаг, пока охота не началась. Он сказал, что со стороны Дика красивый жест дать ему такое хорошее место, которое, по идее, должен быть занять человек более достойный.

Между тем фазаны уже взлетели и в неподвижном, морозном воздухе, устремились прямо, как стрелы, в спасительные «Дебри». Первый петух пролетел над головами охотников на недосыгаемой высоте.

– Цельтесь на десять ярдов впереди птицы, сэр, – мудро посоветовал юноша. – А потом возьмите чуть назад.

Руперт внял его совету, а поскольку его патроны были заряжены дробью четвертого калибра, то легко подстрелил птицу, которая камнем упала вниз далеко позади него.

– Bravo! – воскликнул охотник слева от него. – Отличный выстрел!

Этот неожиданный успех мгновенно поднял Руперту настроение, и он даже решил, что на самом деле охота – не такая уж и сложная вещь.

В принципе так оно и оказалось, потому что он четко следовал совету своего юного наставника целиться на десять ярдов впереди птицы и то, при условии, что это петух, и он летит прямо на него, а в самок или тех петухов, что летят вкруговую, не трогать. В результате, его успех – спасибо также дробин номер четыре – был просто удивительным. В результате, всего одним ружьем он сбил примерно столько же фазанов, как большинство других охотников двумя, к великому восторгу Эдит, которая с самого начала раскусила злокозненные намерения Дика.

А вот Дик был отнюдь не в восторге. Скромный успех соперника его страшно обозлил. Поэтому, пока охота еще не закончилась, он задался целью чем-то его расстроить, причем самым что ни на есть подлым образом. Заметив, что Руперт стреляет лишь в тех петухов,

что пролетали над его головой, Дик, не обращая внимания на своих фазанов, коих пролетало множество, принялся стрелять по птицам Руперта и сбил их немалое количество, стреляя по ним прежде, чем Руперт успевал вскинуть свое ружье.

Руперт промолчал, – ибо что он мог сказать? – хотя в душе его это задело. В конце концов, он сказал об этом вслух, вернее, спросил у Эдит, неужели Дик у мало своих фазанов? Иначе почему он стреляет в птиц, что пролетают над ним?

– А! – ответила она, пожимая плечами. – Потому что даже во время охоты его мучает ревность.

Вскоре случилось происшествие: один незаконно подстреленный Диком петух, падая, задел плечо Эдит и сбил ее с ног. Потеряв равновесие, она навзничь упала на землю и несколько мгновений лежала неподвижно, затем села, плача и ахая от боли.

– О, как же больно!

И тут Руперта прорвало. Он с криком накинулся на Дика, который притворился, будто не заметил, что произошло.

– Опустит ружье и подойди сюда!

И Дик подошел.

– Посмотри, чем закончились твои подлые, дьявольские уловки! – рявкнул на него Руперт, гневно сверкая глазами. – Ты едва ее не убил!

– Простите, мне ужасно жаль, – ответил Дик почти искренне, – хотя я не понимаю, каким образом я в этом виноват. Похоже, ее ударила ваша птица.

– Это не моя птица, и ты это знаешь. Заряжающий, кто подстрелил этого фазана?

– Мистер Лермер, сэр. Фазан летел над вами очень высоко, но мистер Лермер вас опередил и сбил его.

В этот момент Эдит, бледная, как мел, поднялась на ноги.

– Ступай на свое место, Дик, – сказала она. – Руперт отведет меня домой. Позвольте мне опереться на вашу руку, Руперт.

Бережно поддерживая ее, как когда-то поддерживал раненого солдата, Руперт повел Эдит в дом, до которого было не слишком далеко. По пути, расстроенный до глубины души, он говорил ей нежные слова и, в конце концов, даже назвал «дорогой» и «дражайшей». Эдит ничего не сказала в ответ, так как имела прекрасный предлог молчать, хотя, по правде говоря, она скорее была напугана, нежели ей было больно. С другой стороны, она даже не пыталась убрать его руку, которая, поддерживая, обнимала ее за талию.

Добравшись до своей комнаты, она разделась, втерла в синяк мазь, – вызывать врача она наотрез отказалась – и, сев в кресло перед камином, задумалась. Кризис назрел, и птицы в небе приблизили его. После сказанных Рупертом слов, все уже не может оставаться, как раньше. Он просто обязан сделать ей предложение. Правда, оставался вопрос: примет ли она его?

Она спорила сама с собой по этому поводу все утро и фактически уже дала отрицательный ответ. Несмотря на наставления лорда Дэвена и деньги, поступление которых зависело от ее послушания, в последнее время Руперт так сильно наскучил ей, что ей претила сама мысль о том, что он может быть ее женихом или мужем – столь велико было расстояние между ними, хотя он в своей страсти был к этому слеп. В конце концов, она решила рискнуть и покончить с этим раз и навсегда, сказав ему, что всегда воспринимала его «как друга и родственника», и не больше. Разумеется, в тех обстоятельствах с ее стороны это был бы самый щадящий шаг по отношению к нему, но Эдит такое просто не пришло в голову. Она смотрела на эту ситуацию с точки зрения собственного спокойствия и удобства, и никак иначе.

Таково было принятое ею утром решение. Проблема заключалась в другом – останется ли она верна ему вечером? Вряд ли, казалось ей.

В конце концов, Эдит обладала женским чутьем, случай же на охоте, и в частности, то, что Дик притворился, будто это не он подстрелил злосчастную птицу, добавил в ее глазах к его

прочим, уже известным ей, порокам и недостаткам еще один: а именно, то, что он отнюдь не джентльмен. Он также был трус, притворившийся, будто не видит, что сделал ей больно, так как боялся гнева Руперта, хотя Эдит отлично знала: ему наверняка хотелось подбежать к ней. Ведь единственным его достоинством, за которое она могла простить ему все его прегрешения, было то, что он боготворил землю, по которой она ступала.

А вот Руперт был джентльмен до мозга костей – сильный, нежный, верный; такой грудью бы защищал ее всю жизнь. Более того, она могла бы забыть обо всех своих тревогах. Возможно, она получила бы титул пэрессы, стала бы обладательницей высокого положения и богатства, тем более что ей страстно хотелось и того, и другого. Даже в самом худшем случае она жила бы в достатке, будучи женой уважаемого человека, который любил бы ее всей душой и потому был бы готов со многим смириться.

И все же Эдит колебалась, ибо все эти заманчивые вещи можно было купить лишь ценой вечного присутствия рядом с собой Руперта, на долгие и долгие годы, пока их не разлучит смерть. В общем, она была крайне несчастна, не говоря уже о том, что у нее болело плечо. Ей страстно хотелось, чтобы случилось нечто такое, что разрешило бы ее сомнения, взяло ответственность за решение из ее рук.

На ее месте многие девушки наверняка бы искали совета и руководства у силы, которая, как им казалось, направляла их судьбы, но только не Эдит. Идеи лорда Дэвена проникли ей глубоко в душу, отчего в ней не было веры ни во что. Вернее, лишь в огромный, слепой, ужасный, бурный мир, в котором она, рожденная, как ей думалось, исключительно по прихоти плоти, блуждала из одной тьмы в другую.

Горничная принесла ей чай; на подносе также лежало письмо, пришедшее со второй почтой. Оно оказалось от лорда Дэвена и начиналось с саркастического, хотя и довольно смешного описания неаполитанской гостиницы. А вот его конец однозначно свидетельствовал о том, что целью послания было отнюдь не желание лорда развлечь ее. Говорилось же в нем следующее:

«Я слышал, что вы все в Дэвене, включая Героя Семьи, который, как я надеюсь, подстригся и купил себе новую шляпу. Надеюсь, там у вас веселая компания. Напишите мне, сколько из вас посещают утреннюю молитву. Сообщите мне также, моя дорогая Эдит, как ваши дела, ибо это то, что волнует меня в первую очередь. Пора принимать решение, ибо если затянуть с этим делом, то Р. может снова отправиться на другой конец света и мы не услышим о нем еще много лет. Я не стану повторять мои доводы. Ваши интересы для меня превыше всего на свете, и у меня есть все основания желать скорейшего завершения этого дела. Думаю, этого достаточно. Доверьтесь мне, Эдит. Я беру на себя всю ответственность, ибо знаю больше и вижу дальше, чем вы. Не дайте глупым капризам, девичьим слабостям обмануть себя, встать между вами и вашим будущим. Я уже сказал: я умоляю вас прислушаться ко мне и подчиниться. Любящий вас Дэвен».

Эдит со вздохом облегчения положила письмо. Решение было принято за нее, и она была этому рада. Она выйдет замуж за Руперта. Теперь она точно знала, что станет его женой, как того требовал от нее кузен Джордж, а это было именно требование, если не откровенный приказ. Да, она была рада, и, несмотря на ноющее плечо, нарядилась так, чтобы сразить Руперта наповал и покончить с неизвестностью. Чем раньше он сделает ей предложение, тем лучше. Главное, пережить этот момент и забыть его, как дурной сон.

Но если те, кто обитают за пределами видимого мира, обладают неким зрением и знанием, то наверняка ангелы-хранители сделали запись об этом судьбоносном вечере с печальными глазами и тяжелым сердцем.

Глава VII. Помолвка

Не желая встречаться с Диком до тех пор, пока после происшествия на охоте его гнев не уляжется, Руперт до ужина не пошел ни в курительную комнату, ни в бильярдную, а уединился в библиотеке, чтобы провести там те унылые три часа между наступлением зимних сумерек и долгожданным гонгом, три часа, которые приходится терпеть, живя в сельском доме.

Он намеревался прочесть некий комментарий к Корану, если конечно возбужденное состояние ума позволит ему это сделать, ибо он любил приобретать разнообразные знания, особенно, если те касались Востока, его древностей, религии, исторических событий, – что, как мы помним, наводило на Эдит скуку. Увы, его превосходный план по использованию свободного времени был сорван хозяйкой дома: узнав у мрачного дворецкого, возвращавшегося с пустой чашкой, его местонахождение, леди Дэвен пришла расспросить его о причинах имевшего место днем на охоте несчастного случая. Руперт в свойственной ему сухой, деловитой манере изложил факты, постаравшись свести вину Дика до минимума. Впрочем, при всей своей флегматичной внешности, леди Дэвен оказалась догадливой и тотчас поняла, что произошло.

– Ах! – воскликнула она. – Снова этот Дик со своими уловками! Я не люблю Дика. Неприятный тип, тщеславный, падкий до удовольствий, лишь бы только не трудиться. Как это сказать по-английски? Ага, вспомнила: прихлебатель! Он, как та фальшивая монета, которую сразу не отличишь от настоящей; а еще он, как и его светлость, страшный безбожник (она всегда называла своего мужа «его светлость»), но только без его мозгов. И причина его пороков не в силе воле, а в ее слабости.

Руперт посмотрел на нее, не зная, что на это ответить.

– Ах! – продолжала леди Дэвен. – Вижу, вы смотрите на меня. Вы как его родственник наверняка думаете, что я, его жена, жестока к его светлости, но – *mein Gott!* – кто может быть к нему жесток? Он тверд, как железо, и не привык, чтобы ему перечили. Ужасный человек!

– В таком случае, – спокойно спросил Руперт, – почему вы вышли за него замуж?

Она посмотрела на него, затем на огромную, унылую комнату, уставленную книжными полками, в которую никто никогда не заглядывал, кроме горничных, затем поплотнее закрыла за собой двери и ответила:

– Я скажу вам, Руперт, ибо вы честны, вы думаете так же как и я, и, как и я, верите в Бога и Господне воздаяние. У себя в стране я родилась в хорошей семье, более древней и знатной, нежели любой из вас, что лишь вчера сколотили состояние, торгуя пивом. Но после того как мой отец погиб на войне, мы обеднели, моя мать и я, поэтому когда старая и богатая леди Ходжсон, которая по рождению тоже немка и друг нашей семьи, пригласила меня пожить у нее восемь месяцев в каждом году и даже платила мне за это, я и приехала. Затем я познакомилась с его светлостью. Узнав, что большую часть моего жалованья я отправляю матери, и что в отличие от модных английских дам у меня иные взгляды на многие вещи – например, на детей, он после смерти ее милости начал ко мне присматриваться.

Наконец однажды он сделал мне предложение. Я ответила решительным «нет», ибо всегда сомневалась в этом человеке. О, как же он был умен! Знаете, что он сделал? Зная, что я выросла в религиозной семье, он заявил, что его терзают сомнения, и что единственная причина, почему он хочет на мне жениться, заключается в том, что, по его убеждению, я смогу подарить покой его душе и вернуть его в лоно веры. Да-да, он так и выразился «в лоно веры»! Он, эта черная овца! – возмущенно добавила она.

Руперт невольно рассмеялся.

– А! – продолжала она. – Вижу, вам смешно, но только не мне. – Он уговаривал меня, заявил, что я совершу великий грех, если отвергну кающуюся душу, что своим отказом про-

гоню ее прочь от врат жизни, и так далее и тому подобное, до тех пор, пока я, овечья голова, не поверила ему. Кроме того, моя мать желала этого брака, я же хотела быть знатной не только в своей стране, но и в вашей. И я вышла за него, и мои глаза открылись. Лоно веры! Врата жизни! О! В лоне его веры обитают лишь черные козы, – к тому же, все как один левши, – а врата, в которые он стучит, это врата ада. Насколько мне известно, он ни во что не верит, когда же я укоряю его, он заявляет, что то была его маленькая шутка – его маленькая шутка, чтобы жениться на мне, ибо он считал, что из меня выйдет хорошая, покорная, домашняя жена и красивая, здоровая мать его детям. Ах, *mein Gott*, он сказал, что то была лишь маленькая шутка... – Встав со стула, Табита в горе и возмущении вскинула руки и подняла лицо к небу – словно святая, ощутившая первый удар своего мученичества. Это была весьма странная сцена, и она глубоко растрогала Руперта.

– И что же случилось с детьми? – продолжала она, объятая праведным гневом. – Сколько же их у меня было? Шестеро, семеро! О, я выполняю свой долг. Я держу свое слово, но эти дети не живут! Да и как они могут жить, имея такого грешника-отца? Последний ребенок... он немного прожил, и я умоляла покрестить его. Да, я на коленях ползала за мужем по полу и молила позволить мне сделать моего ребенка христианином. Лорд же насмеялся надо мной, называл мою веру «глупым суеверием». Он заявил, что никогда этого не допустит, мол, в церкви холодно и ребенок простудится. И моему ребенку действительно холодно, вот только это могильный холод, и его несчастная крошечная душа должна жить вечно, не зная искупления, и возможно даже, страдать из-за грехов этого ужасного, порочного человека.

– Не говорите так, – сказал Руперт, – это слишком суровая вера, и я не поверю ни единому ее слову. Невинные не могут страдать за грешников.

– А, но я так говорю, потому что в это верю. Ибо так меня учили. Я скажу честно, это терзает меня и, Руперт, ни один мой ребенок не будет жить! Вы будете наследником всех этих земель и денег, и пусть они приносят вам радость. Что до меня самой, как бы я хотела быть сейчас там, где и его первая жена. Знаю, говорят, будто он ее убил, бедняжку Клару, или довел до смерти, и я боюсь, что когда у меня больше не будет детей, он то же самое сделает и со мной. Но мне все равно. Я рассказала вам все, как на духу, ибо после смерти матери у меня не было друзей, кроме Бога, и я благодарна вам, что вы терпеливо выслушали мою печальную историю, потому что хочу, чтобы кто-то из вас, когда все это закончится, знал правду – правду о том, что бывает с женщинами, которые ведутся на лживые слова и любовь к положению и богатству. – Она вновь вскинула руки, пару раз всхлипнула, после чего к великому облегчению Руперта повернулась и вышла вон.

Казалось, ему уготовано судьбой выслушивать признания жен лорда Дэвена. Господь свидетель, второе издание этих жалоб ему было не нужно. И все же его сердце обливалось кровью при мысли о несчастной немке, которую обманом заставили занять место, которое при всем его внешнем великолепии, было для нее сродни обитанию в Чистилище, ибо день за днем она видела, как ее сокровенные убеждения самым вопиющим образом попираются и предаются насмешкам. При этом жестокие постулаты ее узкой веры вбили ей в голову убеждение, или даже навязчивую идею о том, что грех их отца ослабляет тела ее детей. Более того, он настолько силен, что продолжает терзать их невинные души на небесах. В некотором смысле ее трагедия была столь же велика, как и трагедия ее предшественницы, несчастной женщины, которая в своем незаконном стремлении избавиться от вечных насмешек и унижений в конечном итоге обрела лишь смерть. Увы, именно он, Руперт, навлек на голову той первой несчастной зло, голову же этой он был бессилён защитить.

Впрочем, если честно, Руперт не горел желанием выслушивать эти болезненные признания и тем самым поощрять вытекающую из них близость. Поэтому он дал себе слово, что при первой же возможности уедет из дома Табиты. Но сначала он должен улучшить минутку, чтобы поговорить с Эдит и узнать свою судьбу. Ведь после тех слов, что сорвались с его языка чуть

раньше этим днем, он просто обязан был это сделать. Если только этим вечером у него получится все, как он и задумал, у него будет отличный предлог уехать отсюда завтра утром, ибо он получил от одного своего старого товарища по службе телеграмму, в которой тот приглашал его погостить у него в Норфолке. Более того, офицер этот умолял Руперта по возможности перенести дату приезда уже на завтра, вместо какого-то из дней на этой неделе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.